

ГИЗУМ ГЕРКО

НЕБЕСНЫМ ТЕХНАРЬ

КНИГА 4

Гизум Герко

Небесный Технарь 4

<https://litres.ru/74669013>

SelfPub; 2026

Аннотация

На рисунке — дверь под островом Сорочий Зуб. Одиннадцать знаков, соединённых между собой, и замок посередине. Маг пытался прочесть их четыре дня. Я увидел знакомое устройство: на заводе похожим образом соединяли приводную цепь.

Теперь дом Крутояр зовёт меня в экспедицию. Вместе с Ксаной, которая зарисовала эту дверь, я спущусь в глубокую шахту, чтобы найти способ её открыть. За работу обещают долю находок. А я надеюсь разобраться в механизмах, на которых держатся здешние острова.

Только за нашей добычей уже идут другие. Среди них есть человек, однажды бросивший чужую верёвку. В этот раз я возьму вторую.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	55
Глава 5	71
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Небесный Технарь 4

Глава 1

На верхний уступ мы поднимались платформой, потому что с ящиком по лестницам Сеня не дошел бы и до третьего.

Платформа шла на канатах с противовесом, как все подъемники между уступами в этом порту. В первую неделю я подолгу рассматривал их и прикидывал, на сколько хватит пеньки при таком тормозе. Теперь уже убедился, что канат выдерживает. Тормозная ветвь шла по блоку с медным кольцом, стертым до половины. Я привычно отметил износ, как отмечал трещину в стене цеха, мимо которой ходил каждый день. Кольцо следовало заменить. Заняться этим предстояло тем, кто обслуживал платформу.

Сеня держал ящик на коленях обеими руками за ребра, подставив ладони под теплые стенки. От ящика у него грелись руки, а до досок платформы тепло почти не доходило. Внутри было тихо. Тварь с ночи сидела на тряпке у ячейки, под крышкой, приоткрытой на палец. Мы везли ее вместе с инструментом. Мешок с цилиндром и корками висел у меня на плече, цилиндр через тряпку давил в лопатку. Я оставил его так, потому что по этому давлению всегда чувствовал, что он на месте.

Платформа поднялась над крышами нижнего уступа, и

порт открылся.

С платформы по утрам был виден весь порт. Со двора мы видели только ворота и кусок неба в щели между стенами, а здесь можно было пересчитать все семь причалов, уступами один над другим. На них стояли кнехты, лапы, кожухи консолей, казавшиеся темными заплатами на светлом камне. Третий я сразу нашел по кнехтам Тишко, пятый узнал по первой лапе. На четвертом стоял «Шустрый». Корма у него была в латке, стабилизатор все еще был в раме. Верхний причал пустовал. Над грядой утренний поток ровно нес облака в одну сторону, как стружку из-под резца. По нему к порту шли два далеких судна с убранными парусами, на одних плитах. Я теперь осматривал всякое летающее судно с одним интересом. Мне хотелось понять, где у него плиты, как стоит киль и откуда берется сила, удерживающая его в воздухе.

— Высоко здесь. Внизу одни крыши.

Сеня все глядел на крыши через щель между досками, пока платформа ровно поднимала нас над портом. Три месяца назад он без приказа на такую даже не сел бы.

— Сиди спокойно, она ровно идет. Только ящик придерживай.

Он держал.

Дом Крутояр стоял в конце верхнего уступа, у самой скалы. Здесь строили давно, прямо на каменном основании, так что деревянных опор под домами не требовалось. Нужные ворота я отличил сразу. На всех соседних кольцах висел ви-

той гильдейский шнур, серый с красным, а здесь на правой створке осталось лишь темное место от вынутого кольца. Ниже едва различался стертый знак. Всмотревшись, я узнал гребень над чертой, тот же, что на бирке посыльного. Половину изображения затерли до гладкого металла. Читать здешние знаки я по-прежнему не умел, зато сравнить бирку с воротами мог. Выходило, что мы пришли куда надо.

Посыльный открыл нам сам. Тот же, в кожаной куртке, с биркой. Он посмотрел на Сеню с ящиком, на меня с мешком и отступил, пропуская.

— Фрол меня зовут, — представился он, когда я проходил. Имя произнес буднично, чтобы я знал, как к нему обратиться.

— А я Кир. — Я задержался возле него.

— Тебя уже знаю. У доковых ты Утопленник.

Во дворе на козлах стапеля стояла шлюпка, килем вниз. С одного борта обшивку ободрали до шпангоутов. Ее чинили здесь своими силами, без мастерской, и, судя по всему, давно. Часть досок уже заменили, остальные лежали на земле пригнанные, готовые к установке. Вдоль стены под навесом висели многочисленные бухты веревок, разобранные по толщине, от тонкой в палец до надежной спусковой. Я замедлил шаг, рассматривая подвесы. Для каждой бухты в стену забили круглый деревянный кол, на котором веревка плавно перегибалась и волокна сохранялись целыми. На гвозде они портились бы быстрее. По этим кольям я понял о здешних

людях больше, чем по воротам.

В доме Фрол показал место у стены. Сеня осторожно опустил туда ящик, придерживая обеими руками до самого пола, затем отступил на шаг и встал рядом, как прежде стоял возле порученной ему лампы.

Зал оказался длинным и низким. Свет падал на стол из окна в торце. На стенах по углам к доскам прибили листы с линиями. Сперва я принял их за чертежи, но вблизи разобрал острова и узнал карты, похожие на те, что видел у Ливии на столе под линзой. Здесь их вывесили открыто. Одни были заполнены плотно, островами с названиями и линиями между ними. По опыту «Пронзающего» я принимал эти линии за потоки. На других островов становилось меньше, линии редели. На самом дальнем листе у окна изображались всего три острова. Вокруг осталось пустое место и единственная линия, уходившая за край.

На столе лежали другие веревки, тонкие, с узлами через равные промежутки. Их намотали на дощечки. Рядом разместились длинные кожаные трубки с закрытыми торцами, в которых содержимое можно было уберечь от воды.

Хозяйка сидела у стола.

Я заметил ее, лишь когда обернулся. До того она сидела неподвижно и следила за мной, пока я рассматривал карты. Худая, прямая, в сером, лет шестидесяти. Седые волосы стянуты назад так туго, что натянулась кожа на висках. Из перчаток без пальцев выступали сухие пальцы с длинными су-

ставами. Один из них, на левой руке, оставался прямым. По ее позе и обращенному ко мне взгляду я понял, что за моим осмотром здесь давно наблюдают.

— Ты в доме Крутояр, — сказала она, встретив мой взгляд.

Она представилась именем дома. Я кивнул и назвал себя. Хозяйка успела осмотреть куртку, тряпку на руке и шов над бровью. Ее, похоже, больше занимали следы работы, чем мой возраст.

— Расскажи, что уже чинил. За какую работу брался?

— Лебедку чинил, для нее шестерню под червяк сделал, на двадцать четыре зуба. Еще консоли на причалах поднимал: спускаюсь снизу и прочищаю канал.

— Консоли у нас гильдейские мастера будят. Ты с ними работаешь?

— Они сверху руной будят. После такого консоль неделю работала и снова глохла. Я снизу иду, по каналу, там смотрю, что ей мешает.

Она подтянула к себе дощечку с мерной веревкой и стала перематывать узел, не глядя на меня.

— И долго она после тебя работает?

— На третьем до сих пор работает, на пятом у первой лапы тоже. Вторая сама запустилась, пока мы канал чистили. А седьмую я так и не поднял.

Она снова подняла на меня глаза. Лицо оставалось прежним, но на этот раз хозяйка чуть кивнула. Я принял кивок

за подтверждение, что названных работ ей хватило и меня готовы слушать дальше. По верному звуку после удара так же понимаешь, что под стеной есть опора.

— Ксана, подойди к нам.

Из двери в глубине зала вышла женщина.

Она появилась быстро, будто ждала за дверью и прислушивалась. На вид лет двадцать шесть, невысокая, узкая, в кожаной безрукавке поверх рубахи. Коротко подрезанные волосы оставляли лицо открытым и на ветру в глаза бы не лезли. Через плечо висел длинный кожаный тубус, похожий на трубки на столе. Ремень там, где ложился на плечо, затерся до блеска. Под мышкой она держала свернутый в трубку лист. Поверх левого рукава на запястье была намотана тонкая веревка с узлами, как браслет. Женщина оглядела меня с деловым любопытством, с каким я сам присматривался к незнакомому инструменту, если его хвалили за работу. Мне в таких случаях хотелось понять, чем именно он хорош.

— Это тот механик, которого мы ждали? — спросила она хозяйку.

— Он. Уже рассказал мне про свою работу, теперь покажи ему дверь.

— Хорошо, давай посмотрим, что ты о ней скажешь. — Она подошла к столу и развернула лист из-под мышки. — Смотри сюда.

Дверь.

Рисунок показывал ее целиком в стене, обрезанной с обе-

их сторон краями листа. Судя по маленькому человеку с веревкой, нарисованному для масштаба, высотой она была в полтора роста. На сплошном прямоугольнике не обозначалось ни шва, ни ручки, ни петель. Темную поверхность Ксана передала густой штриховкой. По нажиму карандаша мне казалось, что она хорошо помнит эту поверхность, сама рассматривала ее и трогала. Поперек двери на высоте груди шел ряд знаков.

Я наклонился.

Я сперва пересчитал знаки, их было одиннадцать. На заводе я привык сначала определять число деталей, а потом уже рассматривать каждую. Все стояли на одной высоте через равные промежутки, каждый в круглом углублении. Из углублений к середине ряда выходили короткие отростки и входили в соседние, с одной стороны слева направо, с другой справа налево. Отростки цеплялись один за другой. Я вспомнил приводную цепь нашего конвейера, которую снимал, растягивал на полу и осматривал на просвет, разыскивая вытянувшееся звено.

Шестой знак, в середине, отличался.

На первый взгляд он был почти такой же, той же высоты, с таким же круглым углублением. Но отростки в него входили с обеих сторон, от пятого и седьмого знаков, а собственных выходящих отростков у шестого не было. Само углубление Ксана заштриховала плотнее, с тем же нажимом, которым передавала металл двери.

В приводной цепи конвейера тоже было одно особое звено, замок. В него входили соседние с обеих сторон. Через него же цепь размыкали перед снятием. Незнакомому человеку все звенья казались одинаковыми. Я же, зная, что искать, замечал замок за десять шагов.

— Маг три дня искал слово для этой двери, — сказала Ксана за моей спиной.

— Слово, которое должен произнести? Он так ее открывать хотел?

— Да, чтобы она открылась. Объявил эти знаки надписью и читал их, мать его, три дня. С утра до темноты, вслух: то по одному, то весь ряд. На четвертый день заявил, что язык здесь другой.

— И что же за язык он тут нашел?

— Старый. У него все непрочитанное сразу оказывается на старом языке. — Ксана говорила спокойно. Даже ругательство произнесла без вспышки, будто давно привыкла так поминать этого мага. — А дом заплатил ему за все четыре дня.

Хозяйка не двинулась.

Я еще раз посмотрел на шестой знак, высунул правый палец из-под тряпки и провел им над рядом от первого знака до последнего, не касаясь бумаги. При осмотре цепи так же прослеживаешь каждое соединение, пока не найдешь слабое место.

— По-моему, читать здесь нечего. Эти знаки соединены

между собой.

Ксана не ответила. Ждала.

— Посмотри, как в цепи: одиннадцать звеньев, каждое соединяется с соседним по направлению к середине. — Я показал на отростки. — А у шестого соединения входят с двух сторон, своих отростков у него нет. Оно похоже на замок такой цепи.

— Ты про замок, которым дверь запирают?

— У цепи тоже есть замок, звено, через которое ее размыкают. — На столе я заметил горстку коротких обрезков тонкой медной проволоки, которой, видимо, что-то привязывали к трубкам. Взял без спроса, Ксана ничего не сказала. Из первого обрезка согнул кольцо, второе замкнул в нем, затем третье, пока на стол не легла цепочка из пяти. Шестое оставил с разрезом и завел в него пятое. Согнул еще пять сцепленных колец и крайнее тоже вложил в разрез шестого. — Теперь по пять звеньев с каждой стороны, а соединяет их это одно. Нажмешь в другом месте, ничего не разомкнется. А здесь концы разойдутся.

Я нажал на разрез. Концы разошлись. Цепочка распалась на две половины и легла на стол.

Ксана перевела взгляд с проволоки на свой рисунок, затем посмотрела на меня, сопоставляя показанное с дверью.

— А скважину где искать? На рисунке ее совсем не видно.

Пока она спрашивала, я продолжал рассматривать шестой знак, середину углубления и его края. Ксана заштриховала

его так плотно, что ни дыры, ни прорези, ни щели я различить не мог.

— Там и на месте скважины нет. Я бы нарисовала, если бы увидела.

— Значит, способ открыть мы пока не нашли. Он может выглядеть совсем иначе, чем обычный ключ.

На заводе я так же отвечал про узел, у которого не нашли точку смазки. Искать все равно пришлось бы. Если замок открывается, у него есть способ разъединить детали. Привычные ключ и скважина для этого нужны не всегда.

Ксана молчала с полминуты. За это время я успел разогнуть кольца, сложить обрезки проволоки обратно в кучку, положить на прежнее место и подумать, что медь мягкая и что цепь из нее держала бы только саму себя.

— Откуда ты все это знаешь? Такие замки тебе попадались?

Она ждала объяснения моего опыта. По внимательному вопросу я понял, что она готова выслушать и проверить то, что я покажу.

— Я сам собирал цепи с замками. Снимал, растягивал, разыскивал вытянутые места. Пальцами замок находишь надежнее, чем одним взглядом. — Я показал глазами на рисунок. — У тебя он даже на бумаге заметен, хорошо нарисовала. Теперь надо добраться до двери и прощупать сам металл.

Ксана еще раз осмотрела рисунок, быстро свернула его в трубку и сунула под мышку. Руки работали уверенно, зато

губы на мгновение дрогнули. Я вспомнил ее рассказ о том, как три дня человек читал этой двери вслух, а ей оставалось ждать. Теперь у нее нашелся повод высказать то, что она все это время сдерживала.

У стены скребнуло.

Из ящика донесся короткий скрежет латуни по дереву. Тварь так скребла в трубе, когда снаружи что-нибудь менялось. Сеня остался на месте и только опустил руку к крышке. Ксана повернулась на звук, а хозяйка продолжала смотреть перед собой.

— Крысоловку возьмем, заводную. Подручному будет чем заняться в дороге, чтобы не скучал.

Ксана оглядела ящик, потом Сеню. Он стоял рядом с тем же настороженным лицом, какое у него было, когда я надевал сетку на лампу. Затем она посмотрела мне в глаза. Только тогда я понял, насколько плохо прозвучала отговорка. По ее взгляду было видно и другое. Она понимала, что я заметил ее недоверие, но все равно готова была промолчать.

— Теперь об условиях договоримся, — сказала хозяйка.

Она встала. Невысокая, ниже Ксаны, но прямая так, что казалась выше. Подошла к столу и положила на него сухие руки в перчатках без пальцев, рядом с веревками.

— Дом вас везет и кормит всю дорогу, на острове и в стволе тоже. Из найденного за дверью возьмешь то, что сам унесешь на спине. Нам остается съемка, — она посмотрела на Ксану, — и то, что пойдет скупщикам. Плату деньгами обе-

щать не могу.

Она прямо объясняла, на что у нее хватит средств. Я слышал такую спокойную определенность от мастера, который знает про течь, но пока не может раздобыть нужное для ремонта.

— Все деньги отдали магу. На другую плату уже ничего не осталось.

— Меня устроят эти условия. Деньги сейчас не нужны.

Я не лукавил. Монет у меня не водилось с первой недели в порту, считать в кошельке было нечего. Кормить нас бралась хозяйка, а за работу я получал возможность добраться до двери в теле острова. На ней, по словам посыльного, был отлив как на старых трубах. Ради него и стоило идти. Я решил уточнить именно это.

— Фрол говорил, на двери отлив такой же, как на старых трубах. Вы его видели?

— Как на трубах в Утопленнике. Там ты уже был, знаешь, что искать. А Ксана спускалась в этот ствол, дверь она сама осмотрела.

— Да, такой же темный металл, сплошной, шва не нашла. Я его трогала. На ощупь холодит, как камень; у железа холод другой.

Мне этого хватило. Дальше требовалась сама дверь в стволе фронтирного острова. Пальцами я узнал бы о ней больше, чем из расспросов по рисунку.

Хозяйка вышла из зала и вернулась с серым хлебом и гли-

няной кружкой воды. Хлеб с плотной коркой был разломлен надвое. Она подошла ко мне, из своих рук дала половину, а когда я взял, протянула кружку. Я отпил холодной воды с каменным вкусом, знакомым по водяному причалу. Затем хозяйка повернулась к Сене у ящика. По его лицу было видно, что он догадался о своей очереди и растерялся, не зная, как себя вести. Пока она держала перед ним вторую половину хлеба, он посмотрел на меня. Получив мой кивок, взял хлеб и отпил из той же кружки. Икнул и замер. Извиниться так и не решился, потому что не знал, полагается ли здесь.

— Теперь вы на моей воде, — сказала хозяйка. — До конца дела.

Ксана внимательно следила за знакомым обычаем, который, должно быть, видела много раз. На Сене она задержала взгляд, потому что хозяйка дала ему хлеб и воду наравне со мной и теперь он тоже участвовал в деле.

Так здесь заключали наем, буднично, по давно заведенному обычаю. Бумагу с подписью заменяли хлеб и вода из рук хозяйки. Спрашивать заново о моем умении после этого уже не требовалось. На заводе мастер подписывал допуск и тем самым принимал за меня ответственность вместе со мной. Здесь о том же говорили, предлагая воду. Я еще чувствовал во рту ее холод и жевал плотную корку хлеба.

Мы ели стоя. Хозяйка смотрела, пока мы не доели. Это тоже, видимо, входило.

Ксана развернула на столе другой лист, с островом. Длин-

ный, узкий, с одной стороны бугристый, с другой ровный, будто спиленный. Вдоль боковин на рисунке шли многочисленные ряды точек.

— Это Сорочий Зуб, до него два дня хода. Здесь пристань и жилье, — она указала на распадок, затем передвинула палец к гребню ближе к середине. — А здесь спускаемся в ствол. Дверь у него внизу.

— А этими точками что отметила? Их тут вдоль всего бока много.

— Дыры, как под кожухами внизу на причалах. Только все мертвые. — Она посмотрела на меня. — Я начала считать, на шестом десятке бросила.

Точками Ксана отметила консоли, десятки мертвых консолей. Я разглядывал точки на боковине острова и вспоминал седьмую на причале братств, такую же безмолвную, как окружающий камень. В ящике у ячейки лежали листы Игната с моими записями и вопросом о нехватке питания, о том, что же должно поступать снизу. Судя по счету Ксаны, здесь без питания осталось около шести десятков. Я привык будить по одной за ночь, а на этом острове предстояло увидеть целый остановленный цех.

Я ничего не сказал. Запомнил.

— Через три дня на рассвете выход, — сказала Ксана. — Приходи на четвертый причал, к шхуне «Веха». Обвязку дам свою старую, у дома запасной нет. А у тебя, вижу, тоже только пояс. — Она оглядела приводной ремень, тряпку на руке

и куртку.

— Своей обвязки пока не было. С этим поясом в спуск не полезу.

— Тогда на мою и рассчитывай. Под себя перешьешь, если понадобится.

— Придется перешить. Мне ее по росту и по плечам подогнать надо.

Она коротко и весело хмыкнула. Я уже согласился переделать обвязку, прежде чем она успела договорить. Судя по довольному лицу, она такого ответа и ждала.

Сеня поднял ящик, я поправил мешок на плече. Хозяйка уже сидела у стола, сухая и прямая, и рассматривала дальнюю карту у окна, с тремя островами посреди пустого листа. Ксана сама проводила нас до ворот.

Во дворе ветер с гряды шел поверх стены. Веревки под навесом чуть качались на кольях, все разом, как качается подвес на станке, когда рядом проходит кран. Шлюпка на стапеле стояла, ободранная, с пригнанными досками на земле. Фрол открыл ворота и вышел за них, на уступ, покурить, или посмотреть вниз, или не слушать.

Ксана остановилась в воротах.

— В первую попытку, — сказала она, — у ствола от дома было четверо. Вернулись трое.

Я уже шагнул за створку, когда услышал это за спиной. Остановился, обернулся. Ксана стояла в проеме с тубусом через плечо и веревкой на запястье. Взгляд ее проходил по-

верх меня к нижним причалам, в ту сторону, где был четвертый.

— А кто держал веревку того, кто не вернулся?

После этого вопроса она перевела глаза с порта на меня.

— Об этом на причале узнаешь. Там тебе расскажут.

Ксана взялась за тяжелую створку и плавно прикрыла ее. Петли давно нуждались в смазке, ворота поддавались тяжело. Стертый знак оказался перед нами, а выше него, на солнце, темнел след снятого кольца, за которое прежде крепили шнур.

Сеня стоял с ящиком и смотрел на меня.

— Их четверо было, а вернулись только трое.

— Я тоже слышал. Потому и спросил, кто веревку держал.

— Значит, один сорвался вниз?

— Знаем пока только, что один не вернулся. Как это случилось, нам еще на причале выяснять.

Сеня взглянул на закрытые ворота, затем опустил глаза на ящик в своих руках. Внутри по-прежнему было тихо.

— Про крысоловку ты придумал, — негромко заметил он.

— Пришлось так назвать, чтобы дальше не спрашивали.

— А она тебе все равно не поверила. Я видел, как посмотрела.

— Да, поняла, что я отговариваюсь. — Я поправил мешок. — И все-таки промолчала, дала нам самим оставить это при себе. Для меня сейчас это важнее ее доверия к крысоловке.

Мы пошли к платформе. Внизу располагались семь уступов порта. Кожухи консолей с этой высоты опять казались темными заплатами. Седьмую на причале братств отсюда разглядеть не получалось, но место ее я знал. Четвертый причал сразу нашел глазами. Через три дня на рассвете там будет шхуна «Веха», а я поднимусь на нее в чужой обвязке, перешитой под себя. В двух днях хода лежал остров с шестью десятками мертвых консолей. Внутри него три дня кричали заклинания, а дверь так и не открыли.

Начать я собирался с другого. Сперва надо было найти пальцами особое звено и осмотреть его. Если привычной скважины действительно нет, ключом здесь должно служить что-то иное. Какое именно, еще предстояло узнать. А в ящике у Сени сидела тварь, на тряпке возле ячейки. Она скребнула один раз, когда Ксана свернула рисунок, а пока лист разворачивали, сидела тихо. Эту разницу я тоже отметил.

Объяснения скрежету у меня пока не было. Я оставил в памяти и эту подробность.

Платформа стояла внизу на канатах. Медное кольцо на блоке, стертое до половины, блестело на солнце.

Глава 2

Сеня попросился на второй день. В первый он еще думал, что я возьму его сам.

Он подошел, когда я сидел на козлах с куском ремня для новой лямки на коленях. Ведро с водой он принес от водяного и поставил на землю, не расплескав. Сеня остановился передо мной, я ждал. Таким я помнил его у трапа «Пронзающего», когда он стоял на третьей доске в ожидании решения, еще не зная, сходит он или нет.

— Давай я с тобой пойду. Ящик твой понесу. Ты у двери работать будешь, а я рядом подержу, как здесь держу.

— Ящик я понесу сам, Сеня. А ты здесь останешься, в этот раз я тебя с собой не беру.

— Так он же тяжелый! Ты еще мешок возьмешь. Я ведра от водяного ношу, донесу и ящик. Чего ты все сам?

— Потому что потом мне с этим ящиком спускаться. Он пойдет со мной всю дорогу. Тебе на веревке с такой тяжестью за спиной висеть не надо.

Он помолчал. Вода в ведре успокоилась и стала ровной.

— Я и держать умею. Лампу над плечом держал, ты ведь видел. Внизу тебе свет нужен, кто тебе там посветит?

— Видел, Сеня. Ты уже умеешь помогать в работе, потому и остаешься здесь. Игнату одному трудно, а тебе можно поручить дело.

Ответил я ему ровно и серьезно. На обычную мальчишескую просьбу ответил бы мягче, но Сеня просился в дорогу с уверенностью подручного, который считает, что мастер, уйдя один, непременно что-нибудь уронит. На заводе за это правильное чувство подручных и держали. Поэтому я его и оставлял здесь. В стволе из четверых один уже не вернулся. Туда идут те, кто держит чужую веревку, или те, кто на ней висит. Подручному в таком спуске стоять негде.

— Игнату нужны руки. Консоли братств надо проверять каждое утро, костяшкой и ладонью. Он один не обойдет. Третий, пятый у лапы, второй. Стрелку читать ты умеешь. Манометр я тебе не оставлю, он мне нужен у двери, но ладонь у тебя своя.

— А если консоль заглохнет? — Он потер ладони. — Я же только трогать умею. Ты полезешь вниз — и она гудит, а у меня что получится?

— Заглохнет — скажешь Игнату, он поставит руну. Твое дело заметить вовремя. Снизу без меня не лезь: там тебе одному делать нечего.

Он посмотрел на ведро, потом перевел взгляд на лавку и на полку, где стоял ящик с инструментом.

— А тварь ты тоже здесь оставишь? Или она с тобой поедет?

— Ее возьму с собой, в ящике. Устроится на тряпке, как прежде. Ей там тепло.

Сеня помедлил, но спорить больше не стал и поднял вед-

ро обеими руками, хотя принес его в одной. К бочке он пошел молча, обидевшись на мой отказ. Три месяца назад он бы высказал мне все, а теперь даже не икнул. На заводе я привык к такому молчанию после отказа мастера. Причину объяснили, возразить нечем, а обида все равно осталась.

Вечером я положил на верстак свои щупы. Медные, четыре, на кольцо, те, что я гнул из проволоки у Урга и у Игната и с которыми ходил в насосную. Положил перед Сеней, когда он сидел на лавке и смотрел на лампу.

— Бери щупы себе. Пока меня нет, будешь ими работать, когда понадобится зазор проверить.

Самый тонкий я снял с кольца и оставил себе. У двери без щупа как без пальцев. Три остались на кольцо.

Он взглянул на щупы, а потом поднял глаза на меня.

— Я ими толком пользоваться не умею. Ты лезешь в щель — и сразу видишь, а я только смотрел. Как я пойму, какой брать?

— Умеешь. Ты видел, как я ими лезу в зазор. И шестерню при тебе мерил. Шкипер с нижней балки обязательно попросит тебя проверить зазор в зубьях на своей лебедке. Тогда возьмешь эти щупы и проверишь. — Я подвинул кольцо к нему. — Толстый не лезет, тонкий лезет, значит, зазор между ними. Больше для этой проверки знать не надо.

Он взял кольцо и продолжал держать его в руке, пока я не ушел к мешку.

Обвязку Ксана принесла сама, на другой день, до полудня.

Ксана прошла во двор по делу. Оглядела ворота из двух листов, Игната на козлах, а люк и лампу Сени осмотрела разом, так же быстро, как меня в зале. Игнат посмотрел на нее и поднялся с козел. За неделю он вставал так второй раз. Она коротко поздоровалась с ним. Имя его она знала, но расспрашивать о делах не стала. Затем положила принесенную обвязку на верстак.

Кожа. Широкий пояс с пряжкой, две петли под ноги, лямки через плечи, сшитые с поясом. Спереди на поясе одно кольцо, кованое, в которое вяжут веревку. Одно. Я взял обвязку в руки и проверил швы, пряжку и кольцо. С них начал осмотр и на заводе, когда перед выходом на высоту мне выдавали страховочный пояс. Швы были хорошие, двойные, вощенной нитью. Пряжка кованая. Кольцо держало. Кожа у кольца вытерта, значит, в нем висели не раз.

Одно кольцо.

— Вот рабочую веревку сюда вяжете, — я тронул кольцо.
— А вторую куда, страховочную? Другого крепления я не вижу.

Ксана посмотрела на обвязку, затем на меня с тем же интересом, с каким прежде рассматривала рисунок.

— Сюда же, оба конца в одно кольцо. — Ксана придержала пояс на верстаке. — Для того его и ставят, чтобы веревку вязать. Чем оно тебе не нравится?

— Само кольцо крепкое, я посмотрел. А если все-таки не выдержит? Обе веревки разом останутся без крепления.

— Оно кованое, Кир. Ты его только что в руках вертел. Что с ним должно случиться, чтобы такую толщину порвать?

— С кольцом, может, ничего и не случится. — Я прижал пальцем кожу у его основания. — Но ведь к поясу оно пришито. Если шов разойдется, кованое кольцо нам уже не поможет.

Она глянула на шов. Шов у кольца был крепкий, двойной. Обе строчки держали один и тот же участок кожи, которую точит веревка. Если кожа здесь перетрется, крепление уйдет под обоими концами сразу, под рабочим и под страховочным, потому что оба в одном кольце.

На заводе на высоту выходили с поясом на две точки. Одна веревка в одну, другая в другую, причем точки должны держаться на разном. Мне это правило досталось готовым. За ним стоял столетний учет несчастных случаев. Люди считали, сколько народу повисло на одной точке. Насчитали столько, что за пояс на одну точку с высоты снимали сразу.

— Перешью. Поставлю второе кольцо сзади, на отдельной лямке через пояс, со своим швом. Одну веревку в первое кольцо, другую во второе.

— Сзади поставишь? А веревку за спиной как поправлять будешь? Там у тебя еще и ящик, ты про него помнишь?

— Тогда сбоку, под левую руку. Оттуда я до него дотянусь и с ящиком. И мешать не будет, когда повисну лицом к стене.

Ксана снова перевела взгляд с обвязки на меня. С ответом она медлила. Смотрела пристально, не кивая, и прикидыва-

ла, сойдется ли крепление, как при работе над рисунком.

— Перешивай, раз тебе так спокойнее. — Она отпустила пояс. — Только второе кольцо где возьмешь? Я тебе принесла все, что было на этой обвязке.

— Найду. У Игната в свертке есть железо с прежней работы, посмотрю у него. Кольцо нужно небольшое, только бы сварка была хорошая.

Кольцо нашлось у Игната в кожаном свертке. Он складывал туда припасы с прежней работы и с тех пор их не вынимал. Кольцо было небольшое, кованое, сваренное в нахлест так чисто, что место я нашел только ногтем. Он его вынул, положил на верстак, не глядя на меня, сел обратно. Лямку я сделал из куска того же приводного ремня, из которого у меня был пояс, потому что ремень держал привод на станке и держал бы меня. Шил шилом Игната и вошеной нитью из его же свертка, через пояс обвязки, двумя строчками, крест-накрест, обычным швом для соединения, которому предстоит держать нагрузку на разрыв. Нижний конец лямки я пришил не к поясу, а к левой ножной петле, верхний пропустил под плечевую. Лопнет пояс, лямка все равно держит. Кольцо встало под левую руку, на боку. Получились две точки крепления, одна спереди, другая сбоку. Если шов у передней перетрется, боковая держит. Если боковая, передняя.

Все время, пока я шил, Ксана сидела на козлах рядом с Игнатом и следила за тем, что получалось у меня в руках. Теперь она наклонилась к законченной лямке.

— У нас так никто не делает. Я с обвязками ходила, всяких насмотрелась, а такую лямку к ножной петле ты первый додумался пришить.

— Знаю, что у вас иначе. Я в этой обвязке пойду вниз, поэтому хочу сам проверить каждое крепление. Так мне привычнее.

— Корней увидит — смеяться будет. Еще спросит, сколько веревок тебе понадобится, чтобы до двери добраться. Я его знаю.

— Пусть смеется, мне от его смеха хуже не станет. Мне нужно, чтобы веревка меня удержала, если шов перетрется, ради этого я ее и ставлю.

Она хмыкнула, как хмыкала в зале. Спорить не стала.

Ург зашел, когда я обрезал нить у последнего узла. У ворот задерживаться не стал, прошел во двор будто по пути. Борода у него была в колечках. Своим единственным глазом он успел оглядеть весь двор еще с порога. Посмотрел на Ксану и кивнул ей. Ксана ответила тем же. Выходит, они друг друга знали. В этом порту все, кто стоил чего-то, друг друга знали и мне не говорили. Потом он подошел к верстаку и взял обвязку.

Он повернул обвязку, держа ее обеими руками за пояс, и осмотрел переднее кольцо, боковое, лямку из ремня и шов крест-накрест. Затем потянул боковое кольцо, так что лямка натянулась и обвязка приподнялась над верстаком. Ург поддержал ее на весу и опустил.

— До чего дошел, ремень от станка на себя примеряешь!
— прогремел Ург. — Лямку пришил крепко, кольцо из нее не выдернешь. Пойдет.

Положил обвязку на верстак и ушел. Ксана проводила его взглядом, потом повернулась ко мне.

— Он со всеми так разговаривает? Скажет «пойдет» и уходит, будто больше и обсуждать нечего.

— Обсуждать с ним можно долго, если работа плохая. А «пойдет» он говорит про то, что держит. Про плохую работу ты бы сейчас уже все услышала, так что я доволен.

После Ургова ухода я в ней повис. На крюке у люка, на том, где висела куртка Гната, на двух веревках, одна в переднее кольцо, другая в боковое. Отпустил переднюю. Боковая взяла, лямка натянулась, ножная петля врезалась в бедро, но держала. Отпустил боковую, взял переднюю. Держала. Игнат смотрел с козел на мою проверку. Для него я оставался подмастерьем. В том, что обвязка выдержит, он был уверен и так. Ксана внимательно следила за самой лямкой.

Тишко пришел вечером, с фонарем, как ходил к консоли. Тишко стоял у ворот и ждал. Просить ему ничего не понадобилось, потому что по фонарю было ясно, зачем он пришел. Я взял манометр и пошел, Сеня без спросу взял лампу и двинулся за мной. Как и прежде, Тишко посмотрел на мальчишку с лампой и ничего не сказал.

Третья гудела.

Я спустился по скобам, приложил ладонь к кладке под

кожухом, потом ухо. Низко, ровно, с той ноткой. Манометр прижал колодкой к отверстию канала. Сеня держал лампу над плечом. Стрелка стояла за второй черточкой и не дрожала.

— Две черточки. — Сеня вытянул шею к шкале. — Даже дальше второй ушла. Я правильно смотрю? Лампу сюда подвинуть?

— Правильно, за второй стоит. Лампу так и держи, мне видно. Запомни это положение: сейчас тяга хорошая.

Тишко наверху стоял у кнехта, положив ладонь на камень над кожухом. Он чувствовал гул через кладку. Я внизу прислушивался к воздуху в канале. По ровному шуму тяги я судил, что корки внутри нет. Седьмая через три причала от нее по-прежнему стояла без тяги. В ближайшие две недели заниматься ею мне не предстояло. Выбрался по скобам наверх.

— Держится, — сказал я Тишко. — Тяга ровная, корки в канале нет. Пока работает как надо.

— Теперь и под ладонью ровно гудит. Вот так бы ей и дальше работать, малый. — Он убрал руку с камня. — Три шлага.

Он посмотрел на Сеню с лампой, затем перевел взгляд на меня.

— Малый с тобой в этот раз идет? — Тишко указал на лампу. — Уж больно собрался помогать, без спросу следом полез.

— С Игнатом остается. Будет с ним ваши консоли обхо-

дить. Если какая заглохнет, Сеня заметит и скажет, он уже знает, что слушать.

Тишко принял это молча. Ответ ему годился.

В последнюю ночь я собирался.

Мертвых оставил. Четверо их лежало в мешке, после того как двое отдали пружины. Я вынул мешок из-под верстака, подержал. Положил не в ящик, а в трубу под полом, к кирпичу твари, рядом с котелком. Латунь в ящике на чужом судне ни к чему. Четыре мертвых ползуна в ящике у механика, которого везут к двери, не давшейся магам, и подавно. Их здесь никто не видел, кроме Игната, который делал вид, да Сени, который молчал. Пусть лежат. Доску над трубой я положил неплотно, как клал.

В ящик я уложил все, что перечислял Сене в ночь шестерни, и еще несколько вещей сверх того списка. На дно легла ячейка, завернутая в тряпку. От нее ящик был теплый. Тепло требовалось твари, поэтому ячейку я брал с собой вместе с ней. Следом уложил лупу, манометр с иглой и колодку к нему, два прута, короткий и длинный. Огнерез Урга тоже взял. Сопло я так и не сменил, на нем оставался нагар. Туда же пошел узелок с тремя корками. Листы Игната, с печатями с одной стороны и столбиком с другой, завернул в тряпку, чтобы не мялись. К ним добавил карандаш Урга. Туда же пошел сверток Агаты с корпией и мазью, потому что бровь еще велено было перевязывать. Шило и вощеную нить Игнат так и не убрал в свой сверток. В стволе мне еще могло

понадобиться что-нибудь прошить, так что я уложил и их, а за ними маленький слесарный молоток. Сверху на все это положил тряпку. На нее села тварь.

Сама. Она вылезла из трубы, когда я снял доску, чтобы положить мешок с мертвыми, посмотрела на мешок, посмотрела на ящик и пошла. По стене, своим путем. Влезла, устроилась на тряпке у теплого края и закрыла глаза, зеленый и желтый, по очереди, как закрывала всегда.

Ножовку Игнат положил сам.

Я ее не просил. Он подошел к ящичку, когда я уже закрывал крышку. Вынул из своего свертка тонкую, в кожаном чехле. Положил на тряпку, рядом с тварью, которая на ножовку даже не повернулась. Потом посмотрел на меня.

— Возьми и ножовку. В кожаном чехле полотно целее будет. И договоримся сразу: вернешь.

— Верну, Игнат. В том же чехле, как взял. Буду за ней смотреть, полотно тонкое.

— Себя мне верни, Кир. Ножовку я тебе для того и дал, чтобы у тебя внизу все нужное было под рукой.

И ушел за перегородку. Больше он в эту ночь не сказал ничего.

Цилиндр я уложил на дно мешка в той же тряпке, в которой он лежал. Узелок с корками, прежде лежавший на нем, я еще до того переложил к инструменту в ящик. Прикладывать корки к двери я буду во время работы с инструментом, поэтому удобнее держать их в одном ящике. Сверху на ци-

линдр пошли свернутая запасная куртка, фляжка и хлеб на дорогу, который хозяйка передала через Фрола. Туда же положил свитый узлом ремень Ковды с пряжкой-картой. Я носил этот ремень с Горла и все еще не знал зачем. Мешок вышел нетяжелый, зато ящик тяжелый, а нести оба предстояло мне. Это я знал еще в зале, когда Сеня поставил ящик у стены, а я уже думал, что в ствол понесу его сам.

Сеня не спал. Сидел на лавке с щупами в руке и смотрел на лампу.

— Утром на причал не ходи. — Я затянул мешок. — Игнат пойдет к консолям, иди с ним. Поможешь, заодно посмотришь, как он работает.

— Я посмотреть хочу, как ты уходишь. Хоть до трапа дойду, потом сразу к Игнату вернусь. Ну чего мне здесь сидеть?

— С уступа посмотришь, четвертый причал отсюда виден. Там и проводишь, а потом к Игнату. Ему утром твои руки понадобятся.

Он наклонил голову в знак согласия. Щупы в руке звякнули. Он их не положил.

На рассвете четвертый причал был серый, с мокрым камнем. Старая «Веха» низко сидела у причала. Глядя на нее, трудно было представить, что этот корпус вообще можно отвести от камня. «Шустрый» стоял дальше по причалу, кормой в латке, с рамой на стабилизаторе. На нем еще спали.

Шхуна. Две мачты, паруса убраны, плиты по бортам, те же, что на «Шустром», только плоче и в ржавчине по кром-

ке. Корпус был деревянный, старый, в смоле. Пока я шел по причалу, насчитал на нем три латки. Заделали их хорошо, заподлицо. На корме лебедка. На нее я посмотрел дольше, чем на все остальное, потому что лебедку на корме ставят не для парусов. Большая, с барабаном в обхват, с храповиком, с рукоятью на двоих. Барабан стоял пустой. С причала на палубу носили бухты, пеньку с деревянных кольев из-под навеса дома, бухту за бухтой. Принимали двое.

Один широкий, медленный, с бородой с проседью, лет пятидесяти, брал бухту на плечо и нес так, будто она ничего не весила. Второй худой, быстрый, лет восемнадцати, с волосами, которые лезли в глаза, брал за ним и говорил, не замолкая, что-то про узлы, про погоду, про то, что в прошлый раз было хуже. Старший не отвечал. Я понял, что это руинщики дома, те самые, что ходят вниз, еще до того, как Ксана за спиной вполголоса назвала их по именам, Корнеем и Вьюном.

У трапа стоял шкипер, невысокий, с одним плечом выше другого, с погасшей трубкой в зубах. Он посмотрел на меня, на ящик у меня на плече, мешок, тряпку на руке и свернутую куртку поверх мешка. Сплюнул за борт, в сторону от меня. Плевков я понял. Такого помощника он и ожидал, только, видимо, надеялся, что тот окажется лучше.

— Этот малый у нас механиком пойдет? — спросил шкипер у Ксаны. Она шла по причалу следом за мной с тубусом через плечо.

— Этот, Дементий. Возьми его на борт, он уже с вещами. Где у тебя ящик поставить?

— Матросы, ящик в трюм! — позвал он и повернулся ко мне. — Сам с ним не лезь, малый, дай людям принять.

Двое матросов приняли ящик. Один рыжий, конопатый, лет двадцати пяти, второй старше, темный, без двух пальцев на левой. Я сказал рыжему, что ящик не трясоти. Он кивнул. Это он, видно, слышал от каждого, у кого ящик. Он понес ящик осторожно, без тряски. Я смотрел ему в спину, пока ящик не ушел в люк. Внутри не шуршало. Я это слышал бы.

Я поднялся на палубу и встал у борта, у правого, со стороны верхнего причала, потому что оттуда шел звук, которого не было, когда мы пришли.

К верхнему причалу подходило судно.

Белое. За все время в этом порту я видел множество судов, но белое встретил впервые. Корпус, мачты и бортовые плиты были одного цвета. Казалось, дерево выбелили насквозь. Обычную краску поверхность не напоминала. Возможно, судно строили вовсе не из дерева. Длинное, узкое, с острым носом, с тремя мачтами. По тому, как легко и высоко оно держалось у причала, я понял, что груза на нем нет. Флага тоже не было. Судно подошло к верхнему причалу и остановилось. С борта на камень спустили узкий трап, возле которого встал человек.

Отсюда, снизу, через три уступа, я видел только одно. Через плечо у него шла лента. Белая. Она была видна, как вид-

на одна белая нитка на темном.

Дементий сплюнул за борт. Теперь в сторону клипера.

— Белые. Видишь ленту у трапа? Здесь их не любят, и появлению этого судна мало кто обрадуется.

— А чем они так не угодили? Я такого судна в порту еще не видел.

Он посмотрел на меня. Трубка в зубах переехала из угла в угол.

— Гильдейские судят на земле. Эти не судят. Эти берут на борт и уходят. — Он вынул трубку и показал черенком на клипер. — Что на борту делается, снизу не видно. А вниз потом ничего не падает. Поэтому говорят, что жгут. В небе.

Я еще раз посмотрел на белое судно у верхнего причала, на ленту у трапа и на то, как высоко оно сидело без груза.

На заводе в каждом цеху был рубильник. Большой, на стене, под крышкой, которую не открывали годами. Про него не думали. Но каждый знал, где он. Знал, что если его дернут, встанет все, а спрашивать, почему, никто не станет. Белое судно я запомнил так же. Я знал теперь, где оно стоит, как выглядит и что про него говорят. И больше не смотрел, потому что смотреть было не на что, оно стояло.

— Не твое дело, — сказал Дементий. — Твое дело внизу. Иди, посмотри лебедку, если хочешь. Она сбита.

Пока грузили, я смотрел храповик и собачку, но не трогал, потому что на чужом судне без слова не трогают. Собачка была сбита. Поправлю в дороге, когда Дементий даст разре-

шение. По тому, как он посмотрел на меня, когда я присел у храповика, я был уверен, что разрешение на работу получу.

Веревки шли на палубу. Корней укладывал их у лебедки, бухту к бухте. Каждую, прежде чем положить, брал за конец и смотрел. Вьюн говорил. Ксана стояла на корме и смотрела на причал.

В конце причала стоял человек.

Когда мы шли, я его не видел. Он стоял за кнехтом или пришел уже после нас. Худой, легкий, в сером, с непокрытой головой, он стоял и наблюдал, как Корней укладывает бухты. Похоже, у него самого на причале никаких дел не было. Когда он повернулся к свету, я разглядел передние верхние зубы. Они выступали вперед так, что рот не закрывался до конца. По этой примете его, видимо, узнавали все. У правого запястья на шнурке висел небольшой нож без ножен, лезвием вниз. Нож носят так, чтобы в любой момент перерезать веревку быстро, не думая, одним движением.

Ксана увидела, куда я смотрю.

— Это Хорь. Запомни его, ты у меня спрашивал о первом спуске.

Имя она выговорила с такой брезгливостью, что по голосу было ясно, как неприятно ей его видеть.

Корней положил бухту, поднял голову и долго смотрел на конец причала, как на недоделанную работу. Потом взял следующую веревку и заговорил, глядя на нее у себя в руках.

— Он водил первую, он и держал веревку. И он же бросил

чужую.

И положил бухту.

Я посмотрел на Хоря. Он следил за бухтами. Видел, сколько их грузят на «Веху», и по количеству уже мог понять, что дом снова идет к двери. Наверное, заметил и меня, с мешком, с тряпкой на руке, и составил обо мне какое-то мнение. Какое именно, я не знал и узнавать не рвался.

Злости не было. На заводе я видел таких у каждого конвейера. Тех, кто стоит и смотрит, как другие грузят. Они всегда знают, куда везут. На них не кричат. Их держат на виду, потому что из-за такого человека вся работа может встать, как от выключенного рубильника. И следят, чтобы он не оказался рядом с тем, на чем все держится.

— Ксана, ты так и не сказала, кто держал веревку того четвертого, который не вернулся?

Я спрашивал, продолжая смотреть на причал. Ксана тоже отвечала, не поворачиваясь.

— Хорь и Корней держали его вдвоем. Веревку перерезал Хорь, который вон там стоит.

— Он что, веревку у Корнея перерезал, на которой человек висел?

— Свою перерезал. На ней висел четвертый. Хорь боялся, что его самого следом утянет, вот и взялся за нож.

Я посмотрел на нож, который висел у его запястья на шнурке лезвием вниз, готовый к работе.

— Вот и узнал на причале, как ты говорила. Я думал, ты

просто отложила разговор до отхода.

— Теперь знаешь и имя, и лицо. Вон он стоит, все смотрит на наши бухты. Запомни его.

Дементий крикнул с кормы отдавать. Матросы сняли концы с кнехтов. Плиты по бортам заработали с хрипом, знакомым по старым судам. Грузеная «Веха» отошла от камня тяжело и низко. Причал медленно пошел вниз. Я стоял у борта и смотрел на нижний уступ, где должен был стоять Сеня, но так его и не увидел. С палубы люди на краю нижнего были с ноготь.

Хорь стоял на конце причала и смотрел вслед. Не двигался. Руки опущены. Нож у запястья висел и чуть качался.

Я перевел взгляд выше. Белое судно по-прежнему стояло у верхнего причала, высоко, без груза и без флага. Ленту у трапа я с этого расстояния уже не различал. Судно оставалось на месте, пока мы уходили.

«Веха» набирала высоту.

Глава 3

Дементий сказал про лебедку в полдень, когда порт ушел за корму в облака.

Он предупредил рыжего матроса, Касьяна, что собачка опять не держит и что если на острове барабан пойдет назад под грузом, этим грузом станет сам Касьян. Матрос оглядел знакомый храповик с прежним недоумением, как если бы все еще надеялся понять, что с ним случилось. Я ждал у борта, сидя на бухте. Закончив с Касьяном, Дементий повернулся ко мне.

— Малый, ты ведь эту лебедку еще на причале смотрел?

— Смотрел, кое-что успел заметить. Ждал, когда позволишь разобрать.

— Ну и что заметил? Почему она у нас груз не держит?

— Собачка ложится краем на вершину зуба, до впадины не достает. Пружина села, ось в проушине разбита, вот ее и ведет вбок. Пока легко, цепляется краем. Под грузом этот край соскочит.

Он вынул трубку, еще раз оглядел храповик и меня, затем задержал глаза на трубке в своей руке.

— Тогда берись, чини. Посмотрю, что у тебя получится.

Разрешение я получил. Теперь можно было разбирать, потому что на чужом судне к работе приступают со слова шкипера.

На оси барабана стояло колесо храповика, в ладонь величиной. Наклонные зубья позволяли собачке скользить в одну сторону и упираться при обратном ходе. Сама собачка, кованый язык, поворачивалась на оси в проушине станины. Плоская пружина прижимала ее к колесу. Я снял язык и пошевелил ось пальцем. Зазор в проушине доходил до трети ее толщины, поэтому язык уводило вбок, мимо впадины между зубьями. На заводе втулку поставили бы и собрали за час. Готовой втулки у меня здесь не было, зато в Касьяновой ветоши нашелся обрезок медной трубки толщиной в палец. За ножовкой Игната я сходил в трюм. Увидев, что я уже принялся за дело, Касьян дал напильник.

От трубки я отпилил кусок по длине проушины, прорезал его вдоль, развел края, как у разрезного кольца, и обжал молотком вокруг оси. Медь мягкая, на десятилетнюю службу такая втулка не годится, но год выдержит. За это время храповик успеют поменять, если «Веху» прежде не положат на камни из-за другой поломки. Ось в медной рубашке вошла плотно. Поставленная обратно собачка перестала уходить вбок. Запасной пружины тоже не было. Старую я нагрел на Оськиных углях под котлом, подогнул, закалил в ведре, затем отпустил над теми же углями до синевы на стали. Прижим после этого стал прежним, каким был при установке новой пружины.

Я провернул барабан рукой. Вперед он пошел свободно, собачка шелкала по каждому зубу знакомо и ровно. Такой

звук исправного храповика я узнал бы с закрытыми глазами в любом цеху. Попробовал повернуть назад, затем навалился всем весом, но собачка удержала барабан и так.

Дементий стоял за спиной все это время. Я не оборачивался, но слышал, как он переступает, а трубка у него не сипела. Раскуривал он ее на палубе каждый раз, когда ему было все равно.

— Теперь стоит намертво, — заметил он. — Даже под тобой не подалось.

— На год этой втулки хватит. Потом надо поставить бронзовую, медь быстрее сработается.

Он кивнул и направился на корму к рулю. На полпути остановился и заговорил, оставшись ко мне спиной, будто решил только сейчас.

— Кир, к Оське подходи. Есть теперь будешь с нами.

Оськой звали второго матроса, темного, без двух пальцев. Он же готовил еду. Дементий впервые назвал меня по имени, просто, как человека, с которым только что закончил дело. Я заметил перемену обращения и снова подумал о втулке. Медная втулка прослужит год, а бронзы на борту все равно нет.

Ели на палубе у мачты. Оська поставил котел на кирпичи, выдал каждому по миске крупы с салом и деревянную ложку. Дементий ел стоя, заложив трубку за ухо. Корней устроился на бухте и жевал с обычной неторопливостью. Выюн успевал быстро есть и рассказывать между ложками, что на остро-

ве придется обходиться копченой птицей вместо крупы, а на третий день от нее уже хочется выть. Ксана держала на коленях доску и поглядывала в лист за едой. Я следил за высотой «Вехи». Бортовые плиты работали ровно, с хрипом, знакомым еще по четвертому причалу. Под килем, по-видимому, стояли такие же кристаллы, как у «Шустрого», старые, но судно они удерживали. Касьян оставался у руля, Оська отнес его миску туда.

— Ксана говорит, ты в той двери разобрался, — сказал Дементий с набитым ртом. — Надпись прочитал?

— Я только рисунок посмотрел. За надпись там приняли устройство, которое мне знакомо.

— Так маг тоже смотрел, целых три дня. Ему-то что помешало?

— Он в этих знаках искал буквы, а я заметил соединения. — Я показал ложкой, как прежде показывал проволокой. — Они сцеплены в ряд, словно цепь. В ней нужно отыскать замок, через который звенья размыкаются. На рисунке я такое место вижу.

Дементий прожевал и посмотрел на Ксану. Она продолжала смотреть в лист, только уголок рта дернулся.

— Кричал он знатно, — сказал Дементий. — Я с пристани слышал, весь распадок слушал. Все четыре дня, за которые ему заплатили.

— Я попробую руками разобраться. Кричать для этого не понадобится.

— Это уж по лебедке заметно. — Он снял трубку с уха.
— С ней ты молча справился: взял да обжал, и стоит.

Вьюн засмеялся, а Корней спокойно доел, вытер миску хлебом и объяснил другую причину соблюдать в стволе тишину. Внизу слышно, как капает вода. За криком этого уже не разобрать, а человеку на спуске надо слышать, что происходит под ним.

Корней подошел вечером, когда я сидел на корме у лебедки и смотрел на то, как плиты по бортам держат горизонт.

Он тяжело опустился рядом на палубу и привалился спиной к барабану. По тому, как устраивался, было видно, что снова подняться ему будет непросто. Из-за пазухи достал кусок веревки в локоть, с узлом посередине, взялся за оба конца. Глядя на узел, заговорил со мной.

— Кто держит твою веревку над провалом, тот с тобой в доле и в долгу.

Фразу он произнес медленно, как давнее правило, которое следует передавать каждому, кто идет вниз.

— С долей я понимаю, работа общая. А долг у вас за что остается?

— Пока висишь, он тебя держит. Выбрался наверх, значит, за ним твоя жизнь. Но и он тебе должен: ты доверил свою веревку именно ему. Так два долга и остаются, на всю жизнь. — Корней перевернул веревку, рассматривая узел с другой стороны. — Поэтому у нас всегда вторая веревка. За тебя отвечают двое, каждый за свой конец. Сорвется один,

второй должен удерживать обоих. От разрыва веревки это тоже уберезет, но обычай про людей.

Я кивнул. На заводе за страховку отвечал человек, расписавшийся в допуске. Своей подписью он брал ответственность за меня. Обычай руинщиков был устроен по-другому, но эту часть я понимал хорошо.

— Того, кто в первый спуск погиб, тоже так держали?

Корней помолчал. Веревка в руках не двигалась.

— Сивого. Он висел возле второй площадки. Это была первая попытка, четвертый день. Маг оставался наверху, а Ксана с Сивым три дня ходили вниз: она рисовала дверь, маг читал ее рисунки. На четвертый день решил, что нашел слово, и начал орать в устье, чтобы до самого низа было слышно. Тут площадка под Сивым дернулась вверх. Он слетел с нее на третью, которая ниже. Держали его мы вдвоем: Хорь первую веревку, я вторую. — Корней прервался, затем продолжил тем же медленным голосом. — Удар о третью я почувствовал через свою веревку. После такого уже ясно, что человека ты не удержал живым. Потом натянулась веревка Хоря, его потащило к краю устья, где он стоял. Повело вперед, и он взял нож, перерезал.

— Ту веревку, которую сам держал?

— Свою, чтобы следом не утянуло. Сивый к тому времени погиб, я это знал. Может, и Хорь понял, но уверенности у него быть не могло. Он резал, пока на конце еще мог оставаться живой человек. — Корней намотал веревку на кулак.

— Для такого у нас есть одно слово, повторять его не хочу. А разбирать такое дело должны руинщики на суде.

— Кто у вас этот суд собирает? Как вы такое разбираете?

— Собираемся в ночлежке у нижней лестницы. Приходят все, кто сейчас в порту и сам ходил вниз. Того, кто резал, ставят посередине, при всех режут на нем обвязку: пояс, лямки, крепление с кольцом. Потом его веревку уже никто в руки не возьмет. В Семи Причалах узнают сразу, в других портах, как только слух дойдет. Спускаться ему никто не запрещает, только придется одному, на единственной веревке. А один так вниз не ходит.

— Хорю ведь обвязку так и не разрезали. Его пока не судили?

— Судить некому, свидетель-то я один, вторую держал. — Он впервые посмотрел мне в лицо. — Одному у нас не верят, один может солгать. Маг в свидетели не годится, он чужой. Ксана в это время была внизу на первой полке, но-жа не видела. Вьюн на пристани сидел. Хозяйки там вовсе не было. А Сивый уже ничего сказать не сможет. — Корней разжал кулак. — Так Хорь и ушел.

Он выпустил веревку на палубу. Мы оба еще немного смотрели на нее, потом Корней тяжело поднялся, опершись рукой на барабан. Теперь говорил сверху.

— Твою вторую в стволе я возьму. Сразу говорю, чтобы ты знал, кому доверяешь и перед кем у тебя долг будет.

— А первую кому доверим?

— Ксана первую возьмет. Она держать лучше меня умеет, хоть я и тяжелее. Почему так получается, не спрашивай, сам в деле увидишь.

И ушел. Я остался у лебедки. Втулка в проушине была теплая от руки. Плиты по бортам держали горизонт.

Ксана рисовала с утра.

Она устроилась на бухте в носу, положила доску с листом на колени и зарисовывала то, что было под судном. Я сперва решил, что она так коротает дорогу. Подойдя ближе, понял, чем она занята. «Веха» шла по потоку. Я замечал его лишь по вытянутым вдоль него облакам, как привык еще на «Пронзающем». Ксана же определяла размеры и переносила их на бумагу.

Снятая с запястья мерная веревка лежала вдоль края листа. Ксана переводила взгляд с облака на узлы, затем на бумагу и ставила точки, соединяя их линией. Под линией мелко приписывала цифру. Прочитать здешние цифры я пока не мог, но расположение узнавал. Размеры так проставляют на рабочем чертеже, по которому пойдут делать деталь в цехе.

Она работала как чертежник. У Ливии в каюте под линзой лежали красивые карты с названиями. Ксана же отмечала только нужное для прохода. Она наносила сам поток, его ширину, повороты, их величину и ориентиры, относительно которых мерила. Дай мне такой лист и шлюпку, я сумел бы пройти. Я молча сел рядом на палубу, продолжая смотреть, как она ставит точки.

— Ты мне так работать мешаешь. — Она продолжала чертить. — Дай спокойно доделать.

— Я только смотрю, как у тебя получается. Могу отодвинуться.

— Что именно тебя в рисунке заинтересовало?

— Как ты веревкой меришь. Я до сих пор думал, здесь карты на глаз рисуют.

— На глаз картинку нарисуешь, — она поставила очередную точку, — а с картой человеку идти. Ему нужны расстояния и повороты, поэтому я все и мерю.

— Понимаю. Там, где я работал, тоже каждый размер указывали.

Она подняла голову.

— А где это ты успел поработать?

— Где прежде чинил. У нас без размеров ничего не делали. Принесешь такой рисунок мастеру, отправит в переплавку вместе с рисунком.

Ксана взглянула на меня, задержалась на тряпке на руке, потом склонилась над листом и поставила еще точку. В тот день расспросов больше не было. Однако по ее вниманию я понял, что разговор она запомнит.

В трюм я спустился еще в первую ночь, когда все спали, кроме Оськи у руля.

Низкий трюм «Вехи» пах смолой и пенькой. Насос я нашел по трубе осушения, обычному темному клепаному железу с отводами, которое шло вдоль правого борта в корму.

У насоса стояла качалка на двоих. Когда за нее брались, собранную в трюме воду выкачивали по трубе за борт. Я привычно провел рукой от носа до насоса, проверяя каждый участок. Труба оставалась холодной, на клепаных стыках было сухо. Только возле третьего отвода нашлась щель, через которую при работе насоса потекло бы обратно. Чинить насос мне еще не поручали, так что я только запомнил место. От насоса вверх, сквозь палубу, уходил деревянный короб в четыре доски, по которому воду отводили к корме и за борт. Днем я видел его вдоль планширя, у кормы в нем была откидная доска для прочистки. В такой короб прошла бы рука до локтя, а крупная крыса пролезла бы целиком.

Касьян поставил ящик у переборки, в угол, рядом с мешками, наполненными чем-то твердым. Там я его и нашел. Сел на палубу и открыл крышку.

Тварь бодрствовала на тряпке у теплого края и смотрела на меня зеленым и желтым глазами. Я ожидал, что она, как при прежних ночных проверках, потянется поближе к ячейке. Вместо этого ползун выбрался на край, постоял, повернул голову к мешкам у переборки и направился туда.

Я наблюдал, как он добрался до ближайшего мешка и ткнулся усиком сквозь мешковину в твердое содержимое. Замер. Оба усика, короткий и длинный, лежали на ткани неподвижно. Щелчка не последовало. На двадцать первом зубе шестерни они задерживались точно так же.

Мешок легко развязался. В нем были серые камни с про-

жилками, кусками величиной с кулак. Ровные сколы походили на следы молотка, которым кто-то отбивал образцы. Наверное, привезли с острова, другого места я придумать не мог. Я взял один кусок и поднес твари.

Она провела длинным усиком по сколу, затем отодвинулась. От горячего цилиндра ползун отходил с шипением, а сейчас спокойно оставил осмотренный камень. Я так же откладывал знакомый чертеж, помня, что нового на нем уже не найду. Казалось, тварь узнала образец и закончила проверку.

Есть камень она явно не собиралась. Стружкой и стеклянной пылью питалась охотно, даже латунь оставляла целой, а уж камень ей подавно не годился. Заинтересовал он ее по другой причине. По тому, как она закончила осмотр, я решил, что камень она узнала.

Я вернул образец в мешок и завязал горловину. Тварь сама забралась в ящик, свернулась на тряпке у теплого края, закрыла сначала зеленый глаз, затем желтый. Я остался сидеть на палубе, перебирая возможные объяснения. Обычных камней она в своих трубах наверняка видела больше меня. Но этот, привезенный с острова, осмотрела с особым вниманием. Неужели в латунном устройстве, которое я разобрал по пружинам и все равно до конца не понял, сохранялось что-то от прежней встречи с таким камнем? Так пальцы слесаря узнают станок, собранный десять лет назад, даже если человек уже забыл, где с ним работал.

Я прикрыл крышку, оставив щель в палец. Вылез из трю-

ма. Оська у руля посмотрел на меня, перехватил рукоять оставшимися пальцами левой руки и ничего не спросил.

Утром Дементий заговорил и о насосе. Как и накануне про храповик, он смотрел мимо меня, перечисляя неполадку, но я уже понял, что можно братья. Мы с Касьяном спустились в трюм. Я показал щель, матрос подтвердил, что знает о ней и потому качают вдвое больше. Десятью тугими слоями вощенной нити из ящика я обмотал отвод, сверху промазал смолой, которую Касьян принес на щепке. До порта должно хватить, так ему и сказал. Он взялся за качалку и проверил, что обратной течи больше нет. Затем посмотрел на меня с прежним недоверием, так же осторожно, как смотрел на ящик, когда нес его без тряски.

Вьюн спросил на вторую ночь.

Он подошел ко мне на корму, к лебедке. Я снова сидел там без сна, потому что к чужому судну за первую ночь привыкнуть не удалось, а во вторую тоже пока не получалось. Обычно Вьюн говорил с первого шага, теперь молча сел на палубу спиной к барабану, на то место, где сидел Корней. Долго смотрел на плиты и лишь потом заговорил.

— Тебе перед спуском страшно?

Я помнил такой вопрос по себе в восемнадцать лет, перед первой работой на высоте. Хотелось услышать, что и старшему страшно, что это дозволено. Мастер, державший мою страховку, тогда ответил мне. Теперь я собирался передать его слова Вьюну.

— Страшно должно быть. На высоте это полезное чувство.

Он повернулся.

— Должно? Я думал, лучше, когда спокойно, руки не трясутся.

— Руки успокоить можно, а опасность помнить надо. Со всем спокойный человек привяжет одну веревку и поверит, что та выдержит что угодно. — Я показал на бухты у лебедки. — А кто испугался, тот прикинет, что будет при обрыве, и вторую поставит. Я так и делаю: считаю, что может отказать, и страхуюсь. Бояться тут стыдного ничего нет.

Вьюн задумался. Ответа я ждал чуть меньше, чем привык ждать от Сени, но он тоже хотел сперва разобраться.

— Корней говорит, у нас никто обвязку с двумя кольцами не делает. У тебя первая такая.

— Две веревки вы уже ставите, а кольцо оставляете одно. Вот чего я не понимаю. Обрыв веревки предусмотрели, теперь надо так же предусмотреть, что само крепление может вырвать.

Он посмотрел на свою обвязку. Она была на нем, он ее не снимал, как не снимала Ксана тубус. Одно кольцо, спереди, вытертое. Он его потрогал.

— У Сивого тоже две веревки были, обе в одном кольце.

— Он о третью площадку разбился, когда вторая вверх дернулась. Его кольцо выдержало. Там искать надо, отчего площадка пошла вверх.

Он замолчал. Потом заговорил тише.

— Я его знал, Сивого. Он меня веревки вязать учил.

Я помолчал вместе с ним. На такое признание подходящих слов у меня не нашлось. Втулка в проушине уже остыла. Бортовые плиты продолжали удерживать горизонт и знакомо похрипывали. Старое устройство еще работало.

— К завтрашнему утру до острова дойдем, — сказал Вьюн, сменив разговор.

— Корней мне уже говорил, к утру будем.

— Про птиц он тебе, наверное, не рассказал. — Вьюн поднялся. — Сам увидишь, сколько их там. Пояс береги, они все блестящее тащат. У меня в прошлый раз прямо с пояса пряжку сняли, пока спал.

Вьюн ушел на нос, а я остался у лебедки и проверил, как держится ключ Мирона на поясе. Ремешок сидел крепко. Птице, способной снять такой ключ со спящего, пришлось бы быть крупной. Похоже, на острове я буду спать в куртке, застегнутой до самого горла.

Остров вышел из тумана перед рассветом.

Сперва темное неподвижное пятно показалось мне еще одним облаком. Затем туман опустился ниже плит, и с той стороны, откуда подходила «Веха», остров стало видно целиком.

Длинный, узкий, с гребнем, похожим на позвоночник лежащего зверя. Один конец поднимался выше другого, крутые боковины спускались в туман. Вдоль них рядами темне-

ли круглые отверстия, одно над другим. На видимой стороне я дошел в счете до тридцати и бросил, дальше они сливались. Ксана при первом осмотре насчитала с обеих сторон около шестидесяти.

На причалах похожие отверстия находились под кожухами, в кладке балок и уступов. Из них доносился гул. Здесь отверстия были прямо в голом камне. Оттуда не приходило ни звука, слышались только наши плиты. По этой тишине я и убедился, что консоли мертвы. Работавшую консоль слышно с судна за два причала.

Над гребнем шли птицы.

Над ним кружило множество черно-белых птиц, крупнее вороны, с длинными хвостами. Их частый трескучий крик долетал до «Вехи» сквозь туман, напоминая сухую доску под ногой. Они садились в отверстия и снова вылетали к гребню. Одна прошла совсем близко над плитами, так что я разглядел что-то у нее в клюве.

Блестело.

Что за предмет, я определить не успел. Это могла быть пряжка, гайка или кусок латуни. На рассвете блеск был отчетливо металлическим, странным в птичьем клюве. Птица пересекла палубу, крикнула и скрылась в отверстии у гребня. Следом пролетела другая, тоже с блестящей находкой, затем третья.

Я стоял у борта и смотрел, как над островом с мертвыми консолями кружит стая. У каждой в клюве что-то, что ко-

гда-то было деталью.

Глава 4

Пристань Сорочьего Зуба устроили в распадке. Только здесь судно могло подойти между склонами гребня, не задев камень бортовыми плитами.

Пока Касьян и Оська заводили концы на кнехты, я с палубы разглядывал обтесанный камень. Кнехты из знакомого темного металла, того же, что на причальных кожухах, стояли в два ряда. У половины сохранились проушины, у остальных их уже не было. «Вежу» закрепили у двух целых. Места здесь хватило бы на десяток таких судов. Вверх по распадку вели широкие грузовые ступени. Посередине камень стерли тысячи ног за сотни лет, потому что прежде грузы носили здесь каждый день. Теперь поднимались мы четверо, а с нами Касьян с двумя бухтами на плечах. Я нес ящик возле уха на плече, чтобы слышать тварь. Мешок за спиной я ощущал только по весу.

Стоял густой запах птичьего помета, сильнее, чем в курятнике, с солью и кислой примесью. Первую минуту я дышал ртом, затем отвлекся и почти перестал его замечать. Над распадком десятки черно-белых птиц с длинными хвостами удерживались на ветру с гребня. Они висели почти на месте, едва продвигаясь вперед. Частый трескучий крик шел без передышки. Через четверть часа этот треск уже ощущался внутри головы.

— Дня через два привыкнешь, — сказал Выюн. — Перестанешь на этот треск внимания обращать.

— Через два дня я уже внизу буду. Может, хоть там от них отдохну.

— Внизу еще хуже бывает. Птиц уже не слышно, а в ушах все равно трещат, будто следом спустились.

Сверху по распадку к нам вышли люди, человек двадцать, в сером и буром. Их одежда давно обносилась, переходила, должно быть, из рук в руки, так что различить прежних хозяев было уже невозможно. Впереди спускался сухой согнутый старик с палкой. Ветер и загар избородили лицо глубокими складками, гладкого места не осталось. На груди покачивался ремешок с тем, что издали казалось ожерельем. Вблизи я различил десяток разных медных и латунных пряжек. Старик носил их напоказ, как свою гордость.

— Это Мокей, здешний старшина, — вполголоса объяснила Ксана. — Все дела на острове через него.

Мокей остановился ступенью выше, чтобы смотреть на нас сверху. Ксане кивнул коротко, на Корнее задержал взгляд дольше и поздоровался так же. Меня оглядел с недоумением, с каким приемщик смотрит на привезенный ему чужой груз.

— Опять мага привезли?

— В этот раз механика, — ответила Ксана. — Он дверь руками осмотрит.

Мокей подумал. Пожевал губами, в которых не было зу-

бов.

— Этот хоть кричать на весь остров не станет?

— С ним будет тихо, — пообещала Ксана. — Кричать ему незачем.

— Тогда пусть идет с вами. Такого пустим.

Он повернул назад, мы двинулись следом. От прошлого приезда мага здешним людям больше всего запомнился крик. Удивляться было нечему, на небольшом острове его слышали целыми днями.

Стоянка сорочников находилась выше пристани, под навесом. Доски для него сняли с чьей-то палубы, смола и клепка выдавали прежнее назначение. Рядом стояли бочки с водой и дымила коптильня. Только ее дым перебивал птичий запах. Под навесом на досках лежали рассортированные кучки блестящего добра. Среди них были пряжки, гайки, кольца, обрывки цепочек, пуговицы, ложки и даже что-то похожее на очковую оправу без стекол. Мелочь с чужих поясов и из карманов здесь собирали и разбирали по металлам, как крепеж на складе. Этим сорочники и зарабатывали.

— Птица нам это носит, — пояснил Мокей, заметив мой взгляд. — Мы у нее забираем, скупщику сдаем. Тем и живем.

— Далеко она за всем этим летает? Откуда столько натакала?

— С судов, с пристаней, отовсюду, докуда долететь может. — Он оглядел мой пояс. — И с тебя прихватит, если дашь. Держи покрепче, что блестит.

Я опустил взгляд на ключ Мирона. Он висел у пряжки на ремешке, медный, в ладонь величиной. Головку давно отполировало трением о пряжку. Пальцами я проверил ремешок и узел, убедился, что держатся. Затем застегнул куртку до горла, как собирался еще на «Вехе», пояс оставил поверх.

Этого хватило на четверть часа.

Я стоял возле кучи гаек и смотрел на Мокея. Он по одной подносил их к свету, откладывая латунь к латуни, медь к меди. Размер его не интересовал. Железо бросал за навес, скупщик его не брал. В этот момент сзади налетела птица. Отдельного крика в общем треске я не расслышал, зато ощутил резкий рывок пояса вбок, как если бы за ремень зацепили крюк и дернули. Ремешок лопнул в протертом о пряжку месте, узел остался цел. Я обернулся вслед за движением.

Птица уже набирала высоту. Крупная, больше тех, что держались над распадком, с таким же длинным хвостом. В клюве блестел медный ключ. Мой ключ, с головкой, которую я пальцами узнавал лучше, чем собственную ладонь.

Я молча следил за ее полетом. Криком я помог бы себе здесь примерно так же, как маг перед дверью. Птица свернула к боковине гребня и направилась в ближайшее отверстие в камне, в четырех саженях над стоянкой. Нырнула туда уверенно, явно в знакомое гнездо.

— Вот и у тебя унесла. — Вьюн провожал птицу взглядом.

— Достанем потом, — отозвался Мокей сзади. — Вечером, завтра, а то и через неделю. Как птица сядет, так и сни-

мем.

— Я сейчас за ключом схожу. Неделю ждать не стану.

Через неделю они соберут его вместе с прочей медью и положат скупщику на весы. Отдавать туда Миронов ключ я не собирался. Ящик поставил на доски у ног Корнея, рядом оставил мешок. Корней посмотрел на вещи, придвинул к ящику ногу и молча остался сторожить. Я пошел к боковине.

Склон был крутым, но подняться по нему еще можно было, потому что уступы и трещины давали опору рукам. В каждой трещине белел скользкий помет. К третьей сажени я перестал обращать на него внимание. Лез медленно, как по фермам цеха к кран-балке, когда три точки держатся, а четвертая перемещается. Молодое тело при каждом таком подъеме удивляло меня. Легче прежнего, пальцы цепкие, дыхания хватает там, где прежде уже выдыхался. Зато руки короче, чем я по старой привычке рассчитывал. Перед каждым перехватом приходилось помнить об этом, чтобы не промахнуться.

В камне оказалось знакомое отверстие, такое же, как на причалах под кожухами, ровное, круглое, шириной в локоть, с темным бесшовным металлом по краю. Здесь канал выходил прямо в голый камень, кожуха не было. Выше находился второй лаз, пошире, куда я смог протиснуться. За ним было сухо, тесно и темно, свет попадал только через лаз у ног. Вонь стояла такая, что дыхание ртом уже не помогало.

Гнездо помещалось под самым сводом. Подняв голову, я

увидел поверхность свода всего в полулокте перед лицом.

Латунный круг.

Размером с ладонь, гладкий, он был установлен заподлицо с темным металлом свода. Казалось, с момента установки его ни разу не вынимали. Я дотронулся до него. Круг был холодный. На лицевой стороне ни риски, ни зацепки для пальцев. По краю нащупал тонкий, в волос, паз вдоль всей окружности. Деталь сидела в посадке. Чтобы ее извлечь, понадобился бы подходящий инструмент, а еще надо знать какой.

Я видел такой круг под доком, в своде галереи, когда Игнат клал на него ладонь. Тот был с локоть, с каналом посередине, и от него тянуло. Этот меньше, глухой и холодный.

На дне ниши прямо под кругом было свито гнездо из гаек, пружек, колец, обрывков цепочек и проволоки. Подстилка когда-то была тряпкой. Сверху лежал мой медный ключ со знакомой головкой. Птица еще при моем появлении с треском ушла через нижнюю дыру, по каналу. Я забрал ключ, спрятал во внутренний карман куртки и застегнул его. Потом вновь посмотрел на круг над головой.

Консоль здесь тоже была мертвая. Я знал ее живой звук, чувствовал щекой тягу в канале на причале. В этой нише воздух стоял. Опушенная к стенке канала ладонь ощутила только холод. Я приложил ухо, но гула тоже не услышал. Все как у седьмой на причале братств. Только здешний круг оставался в своде, на месте.

Я прикинул, отчего исправно установленная деталь оста-

ется без работы. К ней просто ничего не поступает. Снизу по каналу к этому кругу подачи не было, как и к седьмой. Если остальные отверстия устроены так же, вдоль острова стоят шестьдесят таких деталей, каждая на своем месте, и все без питания. Поэтому они и молчат, а под ними птицы собирают гнезда из гаек.

Я запомнил расположение круга и тишину в канале. Как и с белым судном, пока хватало знать, что здесь есть, а решать, что с этим делать, было рано.

Спуск занял больше времени, потому что вниз опоры приходилось искать осторожнее. Корней все так же стоял, придвинув ногу к ящику. Вьюн следил за мной молча, для него это уже было примечательно. Мокей сидел на бочке и жевал губами.

— Ну что, достал свой ключ?

Я показал ключ. Он посмотрел на него, на меня, на дыру наверху.

— Быстро управился. Только птица вернется, она место помнит.

— Теперь ключ у меня в кармане, пусть ищет. Там ей его сразу не ухватить.

— Так она вместе с курткой унести попробует.

Вьюн засмеялся. Мокей нет. Я подумал, что он, может быть, не шутил.

Ремешок я связал на поясе заново, узлом, который Прокл называл по-своему, а я по-своему. Ключ повесил обратно, на

двойной узел. В кармане его в стволе прижмет обвязка, а на поясе он под рукой. Если потянут, я теперь знал, куда.

Птицы закричали ближе к вечеру.

Привычный треск над распадком, ровный, как цеховой гул, внезапно стал выше и чаще. Птицы закричали разом, словно увидели внизу что-то тревожное. Стая пошла низкими кругами над навесом, бочками и ящиком у Корнеевых ног.

Из ящика зашипело.

Я различил знакомый звук сквозь птичий треск. Точно так же тварь шипела на цилиндр, долго, сердито. Похоже, на этот раз ее раздражало то, что кружило над ящиком.

Ближе всех к ящику, кроме Корнея, был Выюн. Он тоже услышал шипение и посмотрел на крышку, приоткрытую на палец. Мы одновременно заметили в щели латунную спину с пластинами. Мелькнула один раз и скрылась.

— А что у тебя там, в ящике? — спросил Выюн.

Говорил он негромко, с осторожным любопытством, еще пытаясь решить, стоит ли пугаться.

Я подошел. Корней, весь день простоявший возле вещей, теперь смотрел прямо на меня. Видимо, пластины заметил тоже. За время дороги он говорил мало. Я надеялся, что он промолчит и здесь. Ксана беседовала с Мокеем на другом конце навеса, к ящику не поворачивалась. Хорошо, пока придется объяснять только Выюну.

— Крысоловка у меня там, заводная. Покажу, если инте-

ресно.

— Я слышал, она шипела. Разве заводные так умеют?

— Внутри пружина, при спуске она и шипит. Это от завода такой звук. — Я присел у ящика и поднял крышку.

Тварь сидела на тряпке, усики подняты, спинные пластины чуть разошлись, как бывало, когда она злилась. Следила за птицами над нами. Я накрыл пластины ладонью и осторожно прижал, стараясь сложить их обратно, как закрывают крышку. Ползун замер под рукой, затем повернул ко мне голову. Зеленый глаз и желтый уставились на меня.

Я долго смотрел в ответ. Над шестерней после ее находки я рассмеялся, теперь сохранял серьезное лицо. Хотелось, чтобы она поняла, что показывать себя сейчас нельзя.

Я достал короткий медный прут, тонкий конец которого заточил для прочистки каналов. Под спинными пластинами, возле знакомого знака, была узкая щель, куда при переборке я вводил щуп. Теперь вставил конец прута и повернул на четверть оборота, изображая завод ключом. Внутри он крутился свободно, зацепить там было нечего. Зато медь терлась о латунь со звуком, похожим на настоящую заводную пружину.

— Раз. — Я повернул еще. — Два. Три.

Вынул прут. Поставил тварь на доски перед ящиком.

Тварь сначала постояла с опущенными усиками, затем пошла. Привычного мягкого перебора шести лап, знакомого мне с первого дня, больше не было. Каждую лапу она те-

перь переставляла отдельно, с остановкой и подергиванием, прямо как заведенная игрушка. Добравшись до края доски, уперлась и продолжила перебирать лапами на месте, словно перед ней стояла стенка.

Вьюн смотрел.

Я взял ее, повернул и поставил обратно к ящику. Она дошла до ящика, уперлась в стенку и перебирала.

— Пока пружина распускается, ходит. Кончится завод, остановится. Крыс, правда, не ловит, они поумнее такой штуки. Зато подручному нравится, он с ней возится.

Вьюн присел и по очереди рассмотрел переступающие лапы, пластины на спине и свисавшие усики.

— А чего же она на птиц шипела? Сейчас ведь тихо идет.

— Пружину от их крика отпускает, тогда и слышно. Видишь, теперь уже ходит.

— А крик-то ей как пружину отпускает?

Он тронул пальцем висячий усик. Усик не шевельнулся.

— Этого не знаю, сам ее не делал. На базаре взял уже такой.

Я и правда взял ее с весов скупщика на базаре, за починку. Вьюн еще немного посмотрел, потом поднялся.

— Выходит, все-таки заводная. А я уже решил, что живая у тебя там сидит.

— За живую с меня бы дороже спросили.

Вьюн рассмеялся. Корней молча следил за лапами у стенки ящика, затем поднял глаза на меня. В его взгляде я узнал

ту сдержанность, с какой он сидел у лебедки после рассказа о Хоре. Мне стало ясно, что его этот показ не убедил. Но расспрашивать он по-прежнему не собирался.

Я вернул тварь в ящик, на тряпку. Она замерла, держа усики опущенными и сохраняя деревянную неподвижность до закрытия крышки. Когда Вьюн отошел, внутри один раз мягко зашуршали все шесть лап. Я вновь узнал обычную походку ползуна, только в этом движении мне почудилась обида.

Мокей рассказал про первую попытку у коптильни, когда стемнело и птицы наконец сели.

Мокей сидел на бочке, пряжки висели на груди, палка стояла между колен. Он говорил медленно, глядя в дым, и в паузах жевал губами. Судя по этим остановкам, рассказ уже повторял, хотя слушатели на острове находились редко. Еще трое сорочников сидели возле коптильни, чистили ножами птицу у себя на коленях и слушали, склонив головы над работой. Корней у огня смотрел на руки. Ксана рядом перематывала на запястье веревку, пропуская узлы по одному, не глядя.

— Маг наверху у дыры стоял. Двое ваших на веревках спустились, еще двое держать остались. Он все орал туда, вниз. Три дня одно пробовал, другое. На четвертый по-иному заорал, я слов не знаю, и тут внизу загремело, словно цепь по камню пошла. Один ваш дернулся на веревке и вниз ушел, другой выбрался. — Мокей помолчал. — А этот, с зубами, у самого края держал. Потом его веревка пустая пошла. Резал

он ее или нет, с моего места было не разглядеть.

— Что там загремело, ты разобрал? — спросил я.

— Площадка внизу. Там по кругу ствола полки на цепях висят. Одну вверх подняло, будто потянули. — Он показал палкой движение снизу вверх. — Поднялась и встала, а человек на ней удержаться не смог, на следующую упал.

Корней сидел у огня и не двигался. Ксана тоже.

— Как раз когда он закричал, она и поднялась?

Мокей пожевал.

— Я-то наверху был, что там скажешь. Кричал он, а она поднялась. Может, голосом тронул, может, у него в кармане что было. Может, и сама пошла. — Он посмотрел на меня. — Ты-то кричать не собираешься?

— Собираюсь спокойно посмотреть. Кричать там не стану.

— Ну, тогда и площадке подниматься незачем. Может, обойдется.

Я видел, как уверенно он связал крик с подъемом площадки. Вероятно, так и будет объяснять каждому следующему гостю. Сам я мог судить пока только по устройству. Если площадка подвешена на цепи, тянут через цепь, а на другом ее конце должно быть что-то, что создает усилие. Что именно, мне еще предстояло увидеть. Ни в одном разобранным подъемнике я голосовой тяги не находил. Спорить вслух не стал. Мокею мое возражение ничего бы не объяснило, а помолчать мне было нетрудно.

— Еще лодку видели вчера, — добавил Мокей, указывая палкой за гребень, на юг. — Возле южного конца острова стояла, люди в ней. Пока светло было, все там оставалась, потом ушла.

Ксана подняла голову.

— Знаешь, чья лодка?

— Чужая, ваших там не было. — Мокей пожевал губами. — У нас своих лодок и вовсе нет. Нам птица приносит, самим плавать ни к чему.

Корней и Ксана переглянулись, имени вслух так и не назвали. Похоже, оба подумали об одном человеке. Я тоже вспомнил Хоря на причале в рассветный час нашего отхода. Налегке его лодка вполне могла выйти следом и обогнать груженую «Веху». А могла оказаться и чужая, доказательств у меня не было. Я весь вечер держал ящик с тварью и мешок с цилиндром между колен и так же собирался спать. Среди людей, живущих сбором блестящих вещей, оставлять свое без присмотра казалось глупым.

К устью мы пошли утром, до света, пока птицы спали.

От стоянки мы поднимались по пологому гребню. Трещины в камне были забиты пометом и блестящим мусором. К запаху и к этому мусору я уже привык, почти перестал замечать. В самой высокой части гребень раздваивался. Между двумя горбами лежал закрытый с боков распадок, длиной примерно в полсотни шагов. Посередине чернело отверстие в камне.

Я подошел к круглому устью. Камень по краям ровно обтесали, как ступени у пристани, похоже, тем же инструментом. Вдоль края проходило кольцо темного металла шириной в ладонь, без видимого шва. Присев, я его потрогал. Металл охлаждал как камень, тем знакомым холодом, который отличал этот материал от железа.

Ксана присела рядом, размотала мерную веревку с запястья и зацепила узлом за кольцо у края. Затем пошла на другую сторону устья, пропуская узлы и шевеля губами при счете. Полученное записала карандашом на ладони, доску она оставила внизу. Веревку снова сматала.

— Четыре с половиной, — проговорила она себе под нос. — Столько же, сколько в прошлый раз.

— Это ты размер устья провераешь?

— Да. Если оно с прошлого раза изменилось, мне лучше узнать об этом до спуска.

Я одобрительно наклонил голову. Порядок был правильный. Перед пуском на заводе мы тоже перемеряли знакомые места. Обычно получали прежний размер, но всякую перемену лучше обнаружить заранее, пока еще стоишь наверху.

За самым краем начиналась темнота. Утренний свет еще не попадал в распадок. Я различал только верхнюю полку, примерно в трех саженях. Каменная, шириной в локоть, она огибала ствол. Еще ниже проступала вторая, а за ней уже ничего разобрать не получалось.

С края свисали четыре веревки. Две закрепили на ржа-

вых кольцах старой поперечины, переброшенной над ближней частью устья. Они уходили в свободный просвет, примерно в локте за внешним краем полок. Третья была привязана к кольцу в камне устья. Ненагруженные, все три провисали в темноту. Четвертая свободно проходила через отдельное кольцо, будто через блок. Вербку так травят руками. Кольцо тормозит ее трением, а конец удерживает человек. Теперь оставшуюся снаружи часть привязали к соседнему кольцу, чтобы обрезок не ушел вниз. Свисающий конец обрывался в сажени от края.

Я ее подтянул. Корней не остановил меня. Конец пришел в руку.

Срез был косой и ровный. Натянутую веревку перехватили острым ножом снизу вверх, одним движением, без пиления. Так режут, когда времени ждать нет. Пенька потемнела от сырости, но волокна оставались ровными. Я провел по ним пальцем. На заводе такие концы оставались у стропов, перерезанных при освобождении груза с заклинившего крюка. После этого стропы списывали. Здесь же веревка все еще висела у устья с прежним срезом.

Корней и Ксана смотрели на срез, Вьюн продолжал вглядываться вниз.

Я положил конец на край и подобрал среди помета тяжелый каменный обломок величиной с кулак. Подошел к устью, выбрав место, откуда можно бросить его в середину ствола, мимо полок.

Бросил.

Начал считать, как считал на заводе, когда гайка падала в шахту и нужно было дожидаться удара. Раз, два, три.

Четыре.

Из глубины донесся глухой удар с коротким отзвуком. Когда звук поднялся к нам по стволу, я различил в нем металлический призыв. Так камень стучит по металлу, а от каменного дна звук был бы другим.

Я взглянул на Корнея. Он кивнул, видимо, уже знал, что там внизу.

На падение ушло четыре счета. Больше тридцати саженей, если камень по дороге не задел полки. А на дне, судя по звуку, металл.

Глава 5

Корней первым занялся веревками. У края устья он выбрал из четырех старых две целые, закрепленные на поперечине, вытянул наверх сажень за саженью и сбросил заново, расправив петли. Пока выбирал одну, коротко сказал, что это его веревка, та самая вторая, которую он держал у Сивого. Оба конца крепились тогда к одному кольцу обвязки, а первый был у Хоря. После гибели Сивого Корней отпустил свою, понимая, что один мертвого не вытянет. Вербка ушла вниз. Позднее Корней вернулся к телу, освободил конец из обвязки и выбрал веревку обратно. Теперь, глядя на нее, объяснил это в трех словах и взял новую.

Новую принесли с «Вехи», в одной из бухт на плечах. Корней выбрал для нее соседнее кольцо в камне, отдельно от старых концов. Кольцо было ржавое, но целое. Завязал знакомый мне по Прокловым снастям узел, потянул, затем откинулся от края всем весом. Кольцо скрипнуло и выдержало. Убедившись в крепости, Корней кивнул и сбросил конец в ствол.

— По одной веревке спускаемся до первой полки. Там перевяжемся и дальше пойдем.

Я такого и ожидал. Еще на «Вехе», разглядев единственное кольцо у Вьюна, я понял их способ спуска. От верхнего крепления до полки идут по одной веревке. На полке снима-

ют ее с обвязки, следующую крепят к скобе и лишь потом заводят в кольцо. За время перевязки человек остается без страховки, а на самом спуске держится единственным концом. Вторую, про которую Корней говорил «всегда», должен удерживать кто-то наверху. На «Вехе» он обещал взять мою. Но сейчас вниз собирались все четверо, у устья никого не оставалось. Выходило, в этом спуске вторая страховка была только у меня.

Пока Ксана зажигала фонарь, я присмотрелся к незнакомому устройству. Фонарь оказался медной коробкой величиной с ладонь, с окошком. Синего стекла, как в эфирных причальных фонарях, в ней не было. Ксана разломила палочку, составленную из темного и светлого вещества, затем соединила половинки другими концами внутри коробки. В окошке появился ровный желтый свет, без привычного дрожания портовых огней. Она повесила фонарь на крюк сзади пояса, направив свет вниз, тем, кто будет спускаться под ней. Самой ей свет при этом в глаза не попадал.

— Алхимический фонарь, — пояснила она, заметив мой интерес. — Внизу только с таким ходим. Почему, потом расскажу.

Две веревки для меня дала Ксана. Вечером у коптильни я проверил их через колено на разрыв, как проверял стропы перед подъемом груза. Веревки оказались тонкие, но крепкие. У Касьяна выпросил еще обрезок шнура толщиной в палец. Теперь он петлей висел на боковом кольце. Мешок

с цилиндром я надел на спину. Ящик мы с Ксаной решили спускать иначе. Она травит его сверху на тонкой веревке, а я принимаю на следующей полке. Нести за спиной и тварь, и теплую ячейку, пока сам висишь над провалом, было слишком неудобно. Договорились об этом еще у коптильни, Корней слышал и не возразил.

У края я выбрал третье кольцо, на два шага левее Корнева. Старые веревки крепились в другом месте. К этому не вязались, потому что оно неудобно выступало под наклоном. Я проверил его рывком, убедился, что крепко, и привязал первую, страховочную веревку знакомым заводским узлом, каким крепили конец к карабину, с контрольным поверх. Прodel ее в боковое кольцо обвязки. Выше кольца обернул веревку коротким шнуром, три оборота схватывающего узла, а концы шнура закрепил на том же кольце. Пока ведешь рукой, узел скользит, а выпустишь, он затянется и удержит. На заводе так передвигались по вертикальному тросу. Я потянул, проверяя, как он схватится. Остаток веревки повис ниже кольца, ему предстояло идти вниз вместе со мной. Затем рабочую веревку пропустил вдвое через кольцо Корнея и оставил оба конца внизу, чтобы потом снять ее, потянув за один. Ее завел в переднее кольцо своей обвязки.

Вьюн смотрел. Потом засмеялся.

Смех был добродушный, как над человеком, который проверяет ножки лавки, прежде чем сесть. Со стороны моя возня, должно быть, казалась ему такой же лишней осторожно-

стью.

— Ты так на двух и полезешь? Обе за собой потащишь?

— На двух. Одну отпущу, вторая останется держать.

— Да они у тебя перепутаются. Пока одну разбираешь, другая под ногами будет.

— Разведу их: страховочная слева, рабочая спереди. Сам пойду между ними, тогда путаться нечему.

Корней тоже наблюдал. Уголок его рта скрылся в бороде, он сдерживал улыбку. Но схватывающий узел из шнура рассматривал заметно дольше остальных креплений.

— Ни у кого такого способа не видел. У нас так не спускаются.

— Мне и Ксана то же самое про обвязку говорила. Я пойду своим привычным способом.

У края ствола спорить не хотелось. Толку от спора было бы примерно столько же, сколько от крика в его глубину. Ксана стояла рядом, с тубусом на плече и веревкой на запястье. Смотрела мне в лицо, ожидая объяснения. Ей я ответил подробнее.

— На заводе без второй точки крепления на высоту никого не пускали. Я привык сначала обеспечить страховку, потом работать. Здесь от этой привычки отказываться не собираюсь.

Ксана один раз кивнула. После этого вопросов о моих веревках больше не было.

Корней пошел первым. Медленно опускался спиной к се-

редине ствола, перебирая веревку через кольцо и упираясь сапогами в стену. С первого дня я присматривался к работе этих людей, сейчас тоже следил за каждым движением. Ноги он ставил шире плеч, конец проводил через бедро, голову наклонял, проверяя путь под собой. Все делал правильно. Через три сажени ступил на первую полку и крикнул «есть». Голос в стволе прозвучал глухо, с отзвуком.

За ним спустился Вьюн. Спешил, на мой взгляд, слишком сильно, однако сапоги ставил уверенно, знакомые опоры помнил. Третьим пошел я.

Край устья охлаждал ладони, металл на ощупь был как камень, такой же, как у кожухов. Я лег животом на край, перевесил ноги, нашел сапогом опору и отпустил руки. Повис на обеих веревках. Передняя тянула вверх и вперед, боковая через узел под левой рукой уводила вверх и влево. Узел я вел вниз вместе с собой. Между двумя концами держался ровно, без крена, как груз на двух стропах. За время работы здесь тело уже привыкло к высоте. Удобство я почувствовал раньше, чем успел его обдумать. Начал спускаться.

В верхней сажени серый камень в трещинах был заляпан пометом. Ниже он стал чистым, сухим и холодным. По окружности шли следы обработки, похожие на тесаные ступени у пристани. Весь ствол здесь вырубили и выровняли. Спускаясь, я проводил по нему ладонью. Случайных выбоин не находилось, поверхность была ровной, как под установку детали. Снизу поднималась неподвижная сырая прохла-

да, как из открытого погреба. Ветра я не ощущал. В глубине редко капало, с паузами на один счет. Каждая капля отдавалась дважды.

На первой полке, в трех саженях от устья, Корней ждал, прижавшись к стене спиной. Он смотрел, как расположены мои веревки. Вьюн присел у края и перевязывался. Сама полка огибала весь ствол полосой шириной не больше локтя. Ее составляли две длинные плиты, по половине кольца каждая. Верх каждой набрали из тесаных каменных кусков длиной примерно в пять шагов. Между соседними кусками оставили щель в палец. Два более глубоких стыка разделяли сами подвижные половины. Края обработали так же ровно, как устье. Я опустил на нее, поставил оба сапога.

Следом пришел ящик. Ксана медленно пропускала тонкую веревку через руки, удерживая его возле стены без касаний. Я принял груз на полку, поставил у стены и отвязал. Изнутри не доносилось шороха. Дважды дернул освобожденный конец, Ксана выбрала его наверх.

Когда я шагнул, подошвами почувствовал короткую низкую вибрацию. На палубе так ощущаешь работающий корпус. Полка под ногой отозвалась почти как металлический кожух.

Я присел и дважды постучал костяшками по поверхности. Послышался низкий короткий звон, знакомый по утренним проверкам Игната на причалах. Обычный камень ответил бы глухо, звук оборвался бы сразу. Я постучал еще раз

возле стены и услышал то же. Возможно, под камнем скрывался такой же металл, из которого делали кожухи. Или он врос в камень, как-то соединился с ним. Устройства я не знал, мог только убедиться, что поверхность звенит.

— Что ты там проверяешь? — спросила Ксана сверху. Она спускалась последней, ее сапоги были прямо над моей головой.

— Слышишь, как полка звенит, когда стучу? Для камня странный звук.

— Они здесь все так звенят. Мы еще в прошлый раз слышали.

— У причальных кожухов такой же звон. Сравни, если помнишь.

Она ступила рядом, присела и сама постучала по полке. Выслушав звук, подняла на меня глаза.

— Похож, да. Будто по кожуху стучишь.

Цепи нашлись, когда я встал и провел ладонью по стене над полкой.

Каждая плита заходила в стену лишь на ширину ладони. Дальше ее удерживали две цепи, по одной у каждого края. Толстые, в палец, из темного металла без ржавчины, они шли от внешней стороны плиты вверх и внутрь стены, в точно выточенные отверстия с тем же обработанным краем. Я тронул холодное звено и попробовал качнуть. Цепь была натянута намертво. Корней переступил на плиту, перенося на нее весь свой вес, но натяжение даже на волос не изменилось.

Обычная подвеска от лишнего пуда хоть немного подалась бы. Здесь на другом конце явно удерживали усилие с запа- сом.

Корней вязал новую веревку к скобе в стене. Скоба тор- чала из камня над полкой, кованая, ржавая, вбитая, видимо, в первую попытку или раньше. Он завязал, потянул, сбросил конец к следующей полке и пошел.

Вьон перевязывал свою.

Я наблюдал, как Вьон снял прежнюю веревку с кольца об- вязки и отпустил ее, затем достал с плеча следующую. Те- перь стоял на полке в локоть шириной, над глубиной в четы- ре счета падения, со свободным концом в руке. Пока он за- вязывал его на скобе, к страховке прикреплен не был. Пять или десять счетов на узел, на каждой полке снова. Они все- гда так ходили.

Я оставил боковую страховку закрепленной наверху, в устье. Ко мне она шла через схватывающий узел и продолжа- ла держать. Рабочую стянул за один конец с Корнеева коль- ца. Вся веревка легла на полку, я завязал ее на скобе рядом с его концом, тем же узлом. Теперь одна точка оставалась наверху, другая была здесь, у стены. Когда придет время ме- нять боковую, на рабочей можно будет повиснуть.

— Долго же ты перевязываешься, — бросил Вьон, уже спускаясь ниже.

— Зато все время пристегнут. Эти несколько счетов мне спешить некуда.

Я задержался на первой полке, осматривая уходящую в стену цепь. Отверстие над краем плиты выточили точно под нее, оставив зазор в волос, как в посадке круга под сводом консоли и у кольца по краю устья. Самый тонкий щуп, оставленный себе, я ввел в зазор. Он вошел на палец и уперся. Дальше цепь скрывалась в камне, так что прощупать ее ход не удалось. Я вынул щуп, вытер о куртку и убрал за пояс. Ксана молча наблюдала рядом, делая карандашом пометки на ладони, как перед спуском.

Вторая полка была в четырех саженях ниже первой. Ящик пошел туда раньше меня, на тонкой веревке. Корней принял его снизу так, как принимал бухты на «Вехе». Я шел и слушал.

Ствол гудел.

Гул был негромкий, как в ночном цеху, где остановили станки и оставили только устройства, которые отключать нельзя. На первой полке я еще сомневался, что слышу, на второй уже различал ясно. Низкий ровный гул доносился снизу, ниже по тону, чем у ожившей третьей консоли братств. Прислушавшись, я уловил знакомый сбой, когда на полсчета наступала тишина, а затем гул шел снова. Так звучала консоль перед остановкой.

Встав на вторую полку, я проверил ее костяшками. Звенела так же, как первая.

— Сивый там, на третьей был, — сказал Корней, глядя в стену.

Он все еще смотрел перед собой, затем взялся вязать веревку.

Вьюн перевязывался у края, я видел его боковым зрением, пока рассматривал правую цепь нашей плиты. Она была натянута, как остальные, но шла иначе. Все прежде осмотренные тянулись от края плиты к стене прямо, здесь же был увод в сторону на палец. Так бывает, когда барабан на другом конце чуть проворачивается и цепь меняет положение.

Вьюн снял старую веревку с кольца. Новую держал в руке. Отступил к самому краю, чтобы дать Корнею место у стены, и потянулся к скобе.

Цепь дрогнула.

Я смотрел прямо на звенья и увидел, как по цепи прошла дрожь, словно на другом конце сместилась опора. Следом под ногами коротко вздрогнула полка, едва на волос. Подъема еще не было, только толчок, похожий на касание бортовой плиты о камень.

Вьюн стоял у самого края, так что этого крошечного толчка ему хватило, чтобы потерять опору.

Он сорвался вперед и вниз, все еще сжимая свободную, ни к чему не привязанную веревку. Крика я не услышал, это запомнилось особенно. Словно камень выскользнул из-под сапога и тело пошло за ним. В последний миг Вьюн повернул к нам лицо, но понять происходящее и поправить что-то уже не успевал.

Я был ближе всех к краю, потому что смотрел на цепь.

Потом я долго восстанавливал свои движения по отдельности, потому что руками успел сделать раньше, чем обдумал. Бросаться следом было бесполезно. Я упал назад на полку, ударился мешком о стену и почувствовал цилиндр под лопаткой. Одновременно выбросил левую руку к краю, разворачивая в ту сторону боковое кольцо. Страховочная веревка от устья прошла возле самого края, туда, где исчезал Вьюн.

Он ее поймал.

Обеими руками, свободной и той, в которой держал собственный конец. Упал он не больше чем на сажень. Под его весом моя веревка натянулась от устья до бокового кольца и дернула меня к краю. Схватывающий узел затянулся, удержал. Я упер сапоги в камень, прижал спину к стене, правой рукой вцепился в скобу, к которой Корней только что привязался. Через ножную петлю лямка из приводного ремня впилась в бедро. Боковое кольцо выгнулось. Нагрузку на шов крест-накрест, прошитый шилом Игната, я будто чувствовал каждой ниткой. Ни одна не лопнула.

Вьюн повис в сажени под полкой, лицом к стене, на моей второй веревке. Той самой, над которой смеялся у устья. Обмотал ею руки и держался изо всех сил, понимая, что разжать пальцы нельзя.

— Держу.

Я сказал это Корнею, который уже оказался рядом. Он лег животом на полку, перевесился за край и обеими руками за-

хватил веревку ниже моего кольца. Взял крепко, приготовившись к весу, и потянул.

Вьюн был легкий, но положение веревки мешало тянуть. Пенька шуршала по каменному краю. Один раз она проскользнула у Корнея на пол-локтя. Тогда Вьюн нащупал стену ногой и смог помочь. Я удерживал кольцо. С верхней полки что-то крикнула Ксана, слов я не разобрал. Вскоре ее сапоги встали рядом. Ксана взялась за веревку возле Корневых рук и потянула вместе с ним.

Когда Вьюн добрался до края, Корней ухватил его за единственное кольцо обвязки и вытащил на полку. Тот лег лицом в камень, тяжело дыша.

Он долго лежал молча, пытаясь восстановить дыхание после падения.

Корней сел над ним. Через обе ладони тянулись свежие красные ожоги от веревки. Он оглядел их, затем меня и боковую страховку. Она шла от неудобного наклонного кольца в устье, мимо первой полки, к моей лямке из приводного ремня. На нее Корней смотрел долго и серьезно, как прежде на обрезанный конец наверху.

Больше он не смеялся. Ни тогда, ни после.

Ксана присела на корточки у стены и смотрела на меня. Тубус лежал за ее спиной на полке, она придерживала его рукой, не оборачиваясь.

— Что ты перед этим услышал?

Она заметила, куда было направлено мое внимание перед

срывом Вьюна. Сейчас она первым делом хотела понять, что предупредило меня заранее. О том, как я успел и цел ли сам, она пока не спрашивала.

Я вытер ладонь о куртку и подождал, пока пройдет дрожь. Сразу успокоить руку не удалось.

— Я смотрел на правую цепь. Остальные шли прямо, а эту на палец увело в сторону. Значит, что-то у нее на другом конце стояло криво. Я как раз пытался понять, почему, тут она дрогнула, а следом полка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.